

Рахманин Г.Е.

Утиная охота

СОДЕРЖАНИЕ:

- о Предисловие
- От автора
- **о ГЛАВА І. Способы и приемы утиной охоты**
 - Весна
 - Охота по селезням на манку
 - Лето
 - Охота с подхода на вылетку
 - Охота с плавного хиста
 - Охота с подъезда на вылетку
 - Охота на утренних и вечерних перелетах
 - Охота с подсадными и чучелами летом
 - Осень
 - Охота на утренних сидках
 - Охота на пролетных путях
 - Охота с подъезда и с подхода осенью
 - Охота с уточницами
- о ГЛАВА II. Стрельба уток
- 。 ГЛАВА III. Принадлежности утиной охоты
 - Челн
 - Чучела
 - Подсадные утки
 - Манки
 - Одежда и обувь
- **о ГЛАВА IV. Оружие**
- **о ГЛАВА V. Собаки**

Предисловие

Изживание застарелых предрассудков — задача почти столь же трудная, как и борьба с так называемыми «ходячими истинами», которые, как известно, в большинстве случаев оказываются при ближайшем рассмотрении просто ходячими заблуждениями.

И с этой точки зрения я особенно приветствую книжку многоуважаемого Григория Евгеньевича именно потому, что как раз таким предрассудком в области охоты, такой стертой, как старый медный пятак, «ходячей истиной» является довольно распространенное отношение «свысока» к утиной охоте, как простой, легкой и неинтересной, а заодно уж и ко всем тем, кто справедливо ставит ее не ниже, — если даже не выше! — всякой другой.

— Утятник!

Это звучит в ушах многих и многих совсем не гордо! Наоборот. В этом словечке слишком ясно чувствуется привкус не то обидного снисхождения, не то какого-то полупрезрительного объяснения не вполне похвальных и даже как будто бы не совсем пристойных для «настоящего» охотника увлечений:

— Он, ведь, утятник!...

Иными словами, охотник второго, а, может быть, даже и последнего сорта, если можно вообще говорить о делении людей или охотников по «сортам»...

В конце концов, «утятник» - это звучит положительно обидно!...

Таков факт.

В чем же его объяснения и причины?

Разумеется, таятся они во мраке прошлого... Но с Октябрьским факелом в руках, — при свете которого, кстати сказать, многие «ходячие истины» неожиданно обнаружили гнилость своего внутреннего содержания, — и этот темный уголок охотничьей психологии доступен теперь разглядыванию и анализу.

И вот, если как следует его разглядеть, то анализ показывает прежде всего, что утиная охота была всегда по преимуществу охотой «мужицкой», охотой крестьянина и городского бедняка.

В самом деле! Ведь, для крестьянина-охотника (не профессионала промышленника!) утка — не только наиболее доступная, но и наиболее интересная во всех отношениях дичь.

Кого, как не утку, он чаще всего встречает при полевых работах: весной — на первых лужах своей пашни, летом — при сенокосе на болотах и по берегам речек, осенью — перед уборкой нивы, когда сплошь и рядом приходится эту ниву так или иначе охранять от ночных налетов утиных полчищ?

Кто, как не утка, допускает охоту и без специально натасканной и дрессированной породистой собаки, недоступной в массе ни деревенскому, ни городскому бедняку?

Кто, как не утка, дает возможность стрельбы по сидячей, без риска промаха и пропажи впустую дорого стоящего «припаса»?

Кто, наконец, как не та же самая утка, так щедро компенсирует потраченные время, труд и купленный нередко на последние гроши «припас» и количеством, и качеством своего мяса, столь редкого и потому ценного в домашнем обиходе крестьянина или Жителя городской окраины?

Итак, — утку можно везде найти; утка допускает стрельбу по сидячей; уток можно при удаче взять на выстрел несколько штук; по утке не обязательно наличие специально натасканной собаки; убитой уткой окупается и время, и затраченные средства, охотника, вынужденного строго сообразовывать свою страсть с величиной необходимых затрат на нее.

Что же удивительного, что утиная охота всегда была по преимуществу охотой деревенской и городской бедноты?

Но поэтому же неудивительно и выработавшееся отношение к ней со стороны тех, кто раньше "задавал тон" в охотничьих делах и уж, конечно, с этой беднотой ничего общего не имел:

— Утки? Мужицкая охота!...

В представлении этих "Задававших тон" утиная охота была "мужицкой" по трем основаниям.

Во-первых, — как выяснено, охотящаяся беднота вполне основательно предпочитала именно эту охоту.

Во-вторых, — утиная охота по самой природе этой дичи и ее подчас изобилью дает слишком много мяса. А, ведь «мясо» — это же было несовместимо с «благородной» охотничьей страстью: не продавать же, в самом деле его не обращаться же в «презренного промышленника»!...

В-третьих, — утиная охота являлась «мужицкой» просто по своей трудности и обстановке: она почти всегда сопряжена с грязью, с водой, с риском иногда промокнуть, с необходимостью обратиться подчас к передвижению на собственном брюхе во имя того, чтобы удачно подобраться к объекту охоты... Это, ведь, не тяга, на которой можно стоять в лакированных ботфортах, и не прогулка по скошенному полю за перепелом или куропаткой!...

Любопытно, кстати уж, отметить, что ползти на брюхе к дрофе, например, не говоря уже о подкрадывании к какому-нибудь зверю, — это ничего: это — охота, это — уменье, это, словом, полагается.... Но ползти на том же самом брюхе по открытому берегу к табунку сторожких осенних крякв — это почему-то «позор», это — «промышленничество»:

— Известное дело: утятник!

Точно также стрелять бекасинником из двенадцатого калибра в двадцати шагах по отяжелевшему августовскому дупелю, приготовившись и заранее зная, когда он будет поднят собакой по приказанию охотника, — это стрельба, это — искусство...

А вот стрелять из качающегося неустойчивого челна в неудобном положении по неожиданно вырвавшемуся из травы без всякой стойки и вообще предварительных о себе оповещений юркому чирку — это...

— Ну, помилуйте! Какая же тут стрельба! Добыть из шалаша подгоняемых загонщиками и лепящихся к чучелам тетеревей — это удача, это — охота...

Но искусно подманить самому красавца селезня или осенью взять из пролетной стаи блестящим дуплетом проносящихся молниеносно нырков — это...

— Ну, что тут удивительного. Ведь, птица-то — Во!... Словом, все, что связано с утиной охотой, неизменно подвергалось, — а часто, по старой памяти, и сейчас еще подвергаете?, — не то осуждению, не то пренебрежительному отношению со стороны так называемых «настоящих охотников...

Но кого, однако же, назвать настоящим охотником?

— «Того ли, — как спрашивает С.Т. Аксаков, — кто, преимущественно охотясь за болотной дичью и « вальдшнепами, едва удостаивает своими выстрелами стрепетов, куропаток и молодых тетеревей и смотрит уже с презрением на всю остальную дичь, особенно крупную; или того, кто сообразно с временем года гоняется за всеми породами дичи: за болотной, водяной, степной и лесною, пренебрегая всеми трудностями и даже находя наслаждение в преодолении этих трудностей?»

Со свойственной тому времени деликатностью письма, бессмертный поэт-охотник, равного которому, конечно, никогда больше не будет, уклоняется от прямого ответа:

— «Я не беру на себя решения этого вопроса, — пишет он, — но скажу, что всегда принадлежал ко второму разряду охотников».

Конечно, в подчеркнутых курсивом словах заключается и Аксаковский ответ на вопрос, и Аксаковское определение настоящего охотника.

Для этого-то разряда охотников и написана книжка уважаемого Григория Евгеньевича.

Прочитав ее, не трудно убедиться, что утиная охота — это своеобразное искусство требующее больших знаний и большого опыта для того, чтобы результаты ее были успешны не случайно, а именно в силу наличия у охотника таких знаний.

Прелесть утиной охоты в значительной мере определяется уже самым местом, где эта охота производится:

— «Все хорошо в природе, но вода — красота всей природы!» — говорит тот же С.Т. Аксаков.

По одной этой причине утиная охота, всегда происходящая на воде или у воды, способна дать наибольшую сумму художественных впечатлений душе охотника...

Разнообразие утиной охоты вытекает из разнообразия с одной стороны, самих пород уток, с другой, — времен года, в течение которых она производится, и с третьей — способов и приемов, по богатству которых с ней не может состязаться никакая другая.

Трудность же этой охоты, — а, стало быть и величина чисто — спортивного наслаждения от преодоления их, — заключается прежде всего в том, что именно в этой охоте, как нигде на другой, наиболее активную роль играет сам охотник, его знания и опыт и его уменье стрелять.

Итак, — прелестной, разнообразной и трудной охоте, т. е. охоте утиной, посвящена эта книжка...

Те, кто уже любят эту охоту, найдут здесь концентрированный сгусток большого охотничьего опыта и сумеют, конечно, указания этого опыта так или иначе использовать практически.

Те, кто этой охоты не знают познакомятся с ней из этой книжки и, надо думать, тоже полюбят.

Те же «настоящие» охотники, которые частью по привычке, частью просто по недомыслию продолжают и сейчас еще при случае пережевывать тухлую жвачку прошлого о каком-то особом «благородство всех остальных видов охоты по сравнению с утиной, — те увидят из содержания этой книжки, что по количеству требований, какие предъявляет утиная охота к охотнику, к его знаниям и опыту, к его выносливости, к бою его оружия, наконец, и к уменью им пользоваться, она по праву должна быть поставлена едва ли не на одно из самых первых мест среди остальных видов охоты.

В заключение необходимо отметить, что по полноте охвата темы, по обилию советов из Живой охотничьей практики, по легкости и доступности изложения книжка Григория Евгеньевича, — этого подлинного утятника в лучшем смысле слова — несомненно является популярным руководством по утиной охоте,— и в этом ее ценность для охотников вообще, а для начинающих — в особенности.

Потому что популярного руководства по этой охоте и раньше у нас не было, не говоря уже о том, что вообще дореволюционная охотничья литература в огромном большинстве авторов и названий является сейчас, к сожалению, библиографической редкостью.

Сергей Качиони

От автора

Утки являются, пожалуй, наиболее распространенной в СССР дичью. По крайней мере, редкий, едва ли более одного из тысячи, охотник не охотился и не охотится по уткам.

И, тем не менее, утиная охота никогда не пользовалась у нас особым почетом. Мало того, — утиная охота находилась в каком-то загоне, на нее смотрели презрительно, утку почти не считали за дичь, а охотников, любящих и страстно предающихся этой охоте, пренебрежительно именовали «утятниками», приравнивая значение этого слова к слову «шкурятник».

Объяснялось это прежде всего тем, что мало кто из городских охотников, в особенности охотников наших столиц, знал хорошо утиную охоту вообще. Утку стреляли случайно, за ней специально не охотились, и поэтому сложилось мнение, основанное на случайном выстреле по случайно подвернувшейся утке, что утиная охота легка, не требует ни знаний, ни опыта, а стрельба по уткам — не трудна.

Помимо всего этого, еще не была изжита отрыжка того далекого прошлого, когда не только людей, но и дичь разделяли на две категории: «благородных» и «неблагородных». Утки имели счастье или несчастье (что зависит от взгляда на этот вопрос) попасть в число «неблагородных» видов дичи, и поэтому утиной охотой в городах интересовались очень немногие, ее знавшие и изучившие, охотники.

Вдали от городов, на раздолье озер, рек и болот, излюбленных утками, где «благородство» или «неблагородство» дичи имело для крестьянина-охотника весьма малое значение, на уток также охотились немного, но по совершенно иным причинам. Утка — дичь прилетная, живущая у нас в СССР только в теплое время года. В большинстве местностей, удаленных от центров, сезон охоты на уток совпадал с периодом усиленных сельскохозяйственных работ, с деревенской «страдой», когда крестьянину-охотнику бывает вообще не до охоты не только на уток, но и на всякую иную дичь.

В конце же концов, все таки большинство охотников, как горожан, так и крестьян, утиной охоты почти не знают и во всяком случае знают ее гораздо хуже, чем на какуюлибо иную дичь. В огромном большинстве случаев тот или иной охотник, даже убивший на своем веку сотни, а подчас и тысячи уток, все же знает и изучил только один какой либо вид этой охоты. Некоторые охотились и охотятся только весной с подсадными. Другие — только летом на вылетку. Третьи — только на утренних и вечерних перелетах. Четвертые, наконец, — только осенью с подъезда на открытой воде, — и т. д. Но знающих, тонко изучивших охоту на уток в течение всего года, при всяких условиях и всеми способами, — очень немного.

Эти-то единичные охотники, как горожане-любители, так и крестьяне-промысловцы, и являются нашими учителями в отношении использования тех или иных приемов охоты на уток. Как ни мало их было и есть, но некоторый опыт и знания они накопили, — и только вследствие общего равнодушия большинства охотников к утиной охоте эти опыт и знания почти не нашли себе, к сожалению, полного отражения на страницах специальных сочинений, посвященных утиной охоте.

В охотничьей литературе, насколько я ее знаю, описанию утиной охоты посвящено только три, — правда, следует добавить, три прекрасных, — книжки: Ю.М. Смельницкого

— «Охота на утренних утиных сидках в устьях Камы», С.Н. Алфераки — «Очерки утиных охот» и А.Г. Раснера — «Охота на Маркизовой луже».

Но первая из этих книжек говорит только об одном способе охоты на уток, третья — только об охоте на уток в условиях Финского залива между Кронштадтом и Ленинградом, и лишь одна вторая охватывает почти все виды этой охоты...

Однако, с одной стороны, все эти книги теперь составляют библиографическую редкость, а, во-вторых, даже «Очерки утиных охот» С.Н. Алфераки едва ли могут являться популярным руководством по охоте на уток...

А, между тем, ведь, нет охоты более интересной по своей трудности и обстановке, чем охота утиная.

И едва ли найдется какая либо иная охота, успешность которой настолько зависела бы от опыта самого охотника!

Разнообразны до бесконечности угодья, на которых водится эта прекрасная дичь; разнообразны сами утки, не только по своим видовым отличиям, но и по своему поведению в различных местностях и в различное время года; разнообразны способы и приемы самой охоты...

Одним словом, утиная охота — это целое искусство, основанное на знании и опыте.

В кратких словах поделиться такими накопленными знаниями и опытом, — не только личным, но и других охотников, — я и постараюсь в дальнейшем.

Гр. Рахманин

ГЛАВА I. Способы и приемы утиной охоты

Весна

Закрыты еще толстым слоем искрящегося на солнце снега поля, спит лес, одеты льдом реки и озера. И только затейливая звонкая трель зяблика в полдень, показавшаяся кое-где на солнцепеке из под снега черная земля да появившиеся на быстринах рек или по берегам озер полыньи говорят за то, что владычеству зимы наступает конец, и на смену ей победно шествует оживляющая всю природу весна...

И передовые гонцы несметных утиных полчищ уже появились, Уже плещутся в полыньях ярко-перые селезни и скромно одетые утки, и звучно, в особенности по зорям, раздаются их голоса, могуче пробуждая в сердцах соскучившихся за зиму охотников что-то светлое и радостное...

Не все сразу прилетают утки, и далеко не одновременно показываются все виды их. В иную весну между моментом появления первых заморских гостей и валовым их пролетом проходит много времени: неделя, а то и больше ... В иные годы — при дружной весне — массовый пролет утки следует сразу же вслед за появлением их первых особей. Обычно первыми обнаруживаются кряквы и гоголи, а последними — чирки-трескунки и лопоноски.

Как известно, действующими охотничьими правилами охота на уток весной ограничена, а именно: весной разрешается производить охоту только на селезней и притом в течение времени не более одного месяца. Срок открытия этой охоты, а, следовательно, и закрытия таковой, по действующим охотничьим правилам, устанавливается ежегодно для каждой губернии распоряжениями соответствующих местных органов, в зависимости от хода весны.

Разрешением стрельбы весной только одних самцов-уток (селезней) определяется и характер приемов и способов весенней охоты на уток.

Во избежание случайных попаданий в уток-самок, стрельба на перелетах, обычно производимая в темноте и по стаям уток, не должна производиться вовсе. Даже при очень остром зрении отличить в полумраке быстролетящую утку от селезня почти невозможно. К тому же очень часто утки идут табуном или стайкой, и даже при самом тщательном выцеливании селезня процент возможных попаданий (вместо селезня или одновременно с ним) в летящую рядом утку будет весьма велик.

Что касается охоты с подхода или с подъезда, то следует иметь в виду, что весенняя утка строга, растительность на воде отсутствует, утке спрятаться почти негде, и она все время сидит или на открытой воде, или же вблизи берега или кустарника, еще издали замечая приближающегося к ней охотника, и снимается, обычно не подпустив его на выстрел. Поэтому охота на селезней с подхода или с подъезда весной всегда может носить лишь случайный характер. В тех же местностях, где по целому ряду благоприятно сложившихся условий, главным образом, топографического характера (извилистая или богатая заводями речонка, густые кустарники по берегам и проч.) стрельба по селезням с подхода или с подъезда возможна, всегда следует от нее воздерживаться, т. к. обычно в эту пору года селезень держится рядом с самкой, скромнее окрашенной и поэтому менее заметной охотнику, и при выстреле по селезню (хотя бы и в лет, когда, как говорят,

«селезень висит на хвосте у утки») весьма часто, и притом — вне зависимости от воли и намерений охотника, под выстрел будет подвертываться и утка.

Поэтому-то, в целях избежания такого рода случайных попаданий (а от частых случаев такого рода к вполне сознательной стрельбе по всякой утке, — безразлично, селезню или самке, — только один шаг!), а также и в виду возможных злоупотреблений на этой почве, оправдываемых упорным «случаем», действующие правила об охоте не только ограничивают срок охоты на селезней весной, но и определенно указывают на тот единственный способ охоты, который только и разрешается применять на охоте по селезням весной.

Примечание к ст. 21 "Правил об охоте" говорит: «С начала весеннего пролета водоплавающих птиц в течение одного месяца разрешается стрельба гусей, лебедей, а также стрельба на манку селезней» ит. д.

Следовательно, и по смыслу действующих правил об охоте, и по буквальному тексту их стрелять весной селезней разрешается только на манку. Все же остальные способы и приемы охоты на уток весной являются недозволенными а, значит, и применение их является нарушением законов Республики со всеми проистекающими отсюда последствиями.

Помимо того, что указанный правилами способ охоты на селезней весной действительно наиболее полно исключает возможность (конечно, при достаточном хладнокровии, внимательности и отсутствии злой воли охотника) случайного попадания в уток-самок, — стрельба селезней на манку является, пожалуй, несомненно наиболее добычливой, наиболее красочной и интересной по обстановке охотой, чем производимая каким либо другим способом.

Охота по селезням на манку

Охота по селезням на манку основана на чрезвычайном сладострастии селезня, вопервых, и, во-вторых, на необычайной общественности уток. Иными словами, селезень весьма охотно бросается в ту сторону, где он завидит утку-самку того же вида или заслышит ее голос. Это особенно относится к кряковым селезням, как известно, не живущим в паре с уткой и не принимающим вместе с ней участия в выводе молодых. Общественность же уток почти всех видов настолько велика, что, заслышав или завидев себе подобных, они охотно подсаживаются к ним. Этим в особенности отличаются чирки, часто подсаживающиеся одиночками, парами, а то и небольшими табунками, не только к Чирковым, но сплошь и рядом к кряковым, черневым и вообще каким бы то ни было утиным чучелам.

Значительно строже в этом отношении нырковые утки вообще к гоголи в частности, подсаживающиеся только к себе подобным, хотя хохлатая чернеть и красноголовый нырок и представляют, по-видимому, собой исключение из этого общего правила. По крайней мере, мне лично и многим моим знакомым охотникам очень часто приходилось видеть и стрелять по ним, сидящим в обществе чирков, гоголей и других уток.

Точно также очень неохотно подсаживаются к чучелам уток других пород и даже к своим чучелам свиязи. Если же и подсаживаются, то садятся вдали от чучел и затем медленно и крайне осторожно к ним подплывают.

Из всего сказанного выше явствует, что приманивать селезней можно подражанием голосу, который издает утка-самка того же вида, и расставленными по воде чучелами, т. е., деревянными утками, соответствующим образом раскрашенными.

Но охотничья хитрость не ограничилась этим. В качестве наиболее совершенной приманки для селезней (кряковых), используются, так называемые, подсадные утки (их часто называют и кряковыми или круговыми), полученные от скрещивания дикого крякового селезня с домашней уткой или другим способом [Подробнее см. гл. III] и рассаженные на воде вместо чучел или вместе с чучелами. К сожалению, до сих пор выведены только породы подсадных, величиной, строением тела и окрасом, а также и голосом, схожие с кряковой уткой, и поэтому круговые, главным образом, предназначены для охоты по кряквам.

Хорошая подсадная утка заменит и великолепно подражающую голосу утки манку, и чучело, так как, заметив себе подобных диких (если подсадная, конечно, успела уже привыкнуть к охоте с ней), она ведет себя точно так же, как и дикая, разве только проявляя большую крикливость и настойчивость в приманивании своего кавалера. Чучела же, как бы они хороши ни были, несмотря на то, что, стоя на якорьках, они движутся волной или ветром весьма естественно, — все же мертвы, и поэтому опытного, — как говорят, «настеганного», — селезня с ними одними не взять.

Итак, для охоты на селезней на манку необходимо иметь хороший манок (на каждый вид утки отдельно) или умение самого охотника с помощью руки хорошо манить уток, далее чучела и, наконец, — подсадных уток. Само собой разумеется, что можно охотиться и только с помощью манка или с помощью одних чучел, или с одной подсадной. Но, конечно, и результаты такой охоты будут значительно хуже, да и удовольствия она такого не доставит. На худой конец можно охотиться с одной подсадной, хотя в этом случае следует иметь в виду, что, кроме кряквы да, пожалуй, весьма общительного чиренка, других уток придется стрелять только случайно.

Всего же лучше, в особенности в начале весны, когда идет валовой пролет всяких уток, брать с собой на охоту одну или лучше две подсадных утки, штуки 3—4 чучела чирка и пять-шесть чучел черневых уток (чернеть, гоголь). [Конечно, лучше брать большее количество чучел, чем указано выше. Кроме того, можно брать чучела и других видов — лопоносов, шилохвостей и пр., но я говорю о минимуме.] Все чучела должны быть раскрашены под цвет уток-самок (для весны), хотя, если чучел вообще недостаточно, можно брать с собой и чучела, раскрашенные под селезня чирка, чернети и гоголя. Чучел кряковых уток при наличии подсадной брать весной вовсе не следует. Достаточно и одной подсадной.

Выставленное же весной чучело крякового селезня сможет только отпугнуть желающего подсесть, заслышав страстный призыв подсадной, робкого, молодого селезня, из боязни получить жестокую трепку от молчаливо и неподвижно сидящего, но, очевидно, сильного и ревнивого деревянного конкурента.

Чучела следует расставлять на расстоянии пятнадцати-двадцати шагов от того места, где сидит охотник. В зависимости от условий местности, приходится расставлять их поразному. Наиболее же удобно расставлять их следующим образом: подсадная садится прямо перед охотником на расстоянии 10-15 шагов; в некотором от нее удалении — вправо или влево — расставляют табунок чирят, а с противоположной стороны, — но еще несколько дальше от подсадной, — табунок черневых уток. Расставлять чучела следует в живописном беспорядке и притом так, чтобы одно чучело не могло задеть другое, а

подсадная не могла бы приблизиться к ним или спутать веревочку, на которой она привязана, с поводком чучела.

Вторую подсадную следует брать с собой для того, чтобы заменить первую, в особенности в начале весны, когда от непривычки и холода утка скоро устает и перестает кричать.

В этом случае вторую подсадную следует держать в корзине или в ящике при себе, но отдельно от селезня, если он взят с собой, как и следует вообще держать уток во время поездки. В противном случае, т. е., если селезень имеет свободный доступ к утке, то подсадные, пресытившись постоянным ухаживанием своего синеголового «Сеньки», хуже кричат на работе.

Иногда можно садить и двоих подсадных сразу. При этом их следует рассаживать обязательно так, чтобы они только слышали, но не видели одна другую. В противном случае подсадные ведут себя крайне беспокойно, стремятся сплыться, вследствие чего бьются и тянут за собой якорек, а, сблизившись, перестают кричать, не обращая особого внимания на пролетающих селезней.

Селезня, постоянно живущего с уткой, и к голосу которого подсадная привыкла, весьма полезно иметь при себе (в корзине). Очень часто бывает, что подсадная, намокнув, замерзнув или устав, перестает кричать. В этом случае обычно достаточно пошевелить корзину, в которой сидит селезень, чтобы он зажвякал, — и тогда подсадная, заслышав голос своего селезня, начнет снова усиленно кричать.

Ранней весной советую брать с собой по возможности всегда двух подсадных, сменяя их в работе через зорю, а в утреннюю зорю — меняя подсадных дважды.

При наличии хорошо работающей подсадной и достаточного количества чучел охота идет вполне успешно. Но успешность эту можно во много раз увеличить, если еще применить хорошую манку селезней других пород, кроме кряковых, — голосом или манками.

Голоса подсадной вполне достаточно для того, чтобы каждый кряковый селезень (если, конечно, он не напуган, охотник укрыт от его глаз хорошо, а подсадная работает должным образом) зажвякал бы учащенно и плюхнулся рядом с уткой...

Но совсем иное дело получается, когда мимо пролетает не кряковый селезень, а селезни других видов. Без манки голосом к чучелам подсядут только те селезни, которые их увидят, да и то всякий селезень гораздо охотнее идет к чучелам, когда он слышит призывный голос самки-утки того же вида. Даже и сами утки, как в одиночестве, так и в обществе своих кавалеров, а то и целыми табунками, будут присаживаться к чучелам, если охотник хорошо умеет их манить голосом. В особенности хорошо идут на манку чирята. Почти каждого чиренка можно посадить к чучелам и даже после неудачного по нему выстрела заставить умелой манкой вернуться обратно. Маня селезней, никогда не следует злоупотреблять этим, как бы ни удачно было подражание, а кричать в меру и не часто. Само собой разумеется, что манить следует голосом самокуток, а не селезней, так как селезень, конечно, охотнее пойдет на голос самки, чем на голос своего конкурента и противника. К тому же голос самки и звонче, и легче поддается подражанию, нежели голос селезня.

В особенности много удовольствия доставляет манка чирков и наблюдение за их поведением среди неподвижных чучел.

О том, как научиться манить с помощью руки уток, и как устроены специальные манки на уток, — будет подробно сказано в главе III настоящей книжки.

Охота на манку производится или с берега, или с лодки.

В первом случае на берегу необходимо выстроить шалаш или иное приспособление, где и может поместиться охотник, скрытый от глаз утки. Материалом для изготовления шалаша обычно служат ветки кустов, трава, сено, солома и проч. Когда листва зазеленеет, шалаш строить легче, так как зеленые листья служат прекрасной защитой. Весьма важно, чтобы шалаш не выделялся в окружающей обстановке, а наоборот — сливался бы с ней возможно полнее и незаметнее. Поэтому при выборе материала для изготовления шалаша необходимо считаться с характером той местности, где он будет строиться. На берегах рек и озер, покрытых кустарником, найти место для постройки шалаша и материал для него — легко и просто. Для этого выбирают обычно куст погуще и поплотнее, вырубают в середине его прутья, чтобы можно было разместиться с удобствами, набирают вдали от шалаша веток, травы, сена и т. п. Ветки втыкают в землю толстым концом, переплетая тонкие между собой и с прутьями куста. После этого принесенным сеном, травой, соломой и т. п. запорашивают шалаш сверху и затыкают клочками изнутри отверстия между прутьями, кладут также сена или травы внутрь его, — чтобы мягко было сидеть, — и шалаш готов.

Очень важно, чтобы шалаш или иное прикрытие закрывало охотника от взора птицы, как с боков, так и сверху. Из шалашей открытых, сверху не защищенных, охотиться с успехом можно только до восхода солнца (на утренней заре), т. е. только тогда, когда еще совсем темно. Как только солнце взойдет, фигура человека будет далеко заметна утке сверху, и, как бы ни хороши были подсадная, чучела и манка, селезень не подсядет и даже не подлетит на выстрел к охотнику.

В тех случаях, когда охота на манку производится с гладкого, без всякой (или во всяком случае без высокой) растительности берега, устраивать засидку из прутьев, травы и прочего — не годится, так как утка их будет определенно пугаться, завидя на берегу какую-то новую и потому подозрительную постройку. В этом случае приходится вырывать яму в песке или земле, окружить ее валиком, насыпанным из той же земли или песку, и уже затем обтыкать невысокими прутьями, травой и проч. Иногда же, в тех случаях, когда в яме может выступить вода, необходимо будет врыть в землю крепко сколоченный из досок ящик или бочку, укрепив их распорками, и в них размещаться.

Вообще следует иметь в виду, что ни общий вид берега, ни характер его растительности от присутствия шалаша не должен меняться. Если на берегу, поросшем кустарником, выстроить шалаш из еловых лап, — утка всегда будет облетать такой шалаш. Если берег гладок и лишен растительности, можно лишь делать земляную засидку, а не шалаш из какого бы то ни было материала. Если же и земляной засидки устроить почему либо невозможно, то лучше всего поставить шалаш за несколько дней до охоты, чтобы утки успели к нему несколько привыкнуть и перестали его пугаться.

Правило это можно рекомендовать при устройстве всякого шалаша для охоты, — но, к сожалению, это не всегда возможно осуществить.

Помню, как однажды мы с товарищем охотились на разливах озер по селезням.

Товарищ мой построил прекрасный шалаш на берегу богатой селезнями, в особенности кряковыми, речонки. Шалаш был сделан по всем правилам искусства из ветвей еще голого кустарника и сверху густо усыпан клочками сена. Весь берег в окружности был в кустарниках, но ни на одной их веточке нигде не виднелось хотя бы небольших клочков сена.

Я стоял в челне шагах в трехстах от него, тщательно зашалашившись ветвями в затопленном кусту густого ольшняка.

Утро было прекрасное.

Селезня было много.

Я настрелялся вдоволь, а товарищ, несмотря на прекрасную работу подсадной и изумительное, только ему одному свойственное умение манить голосом всякую утку, просидел утро без выстрела: селезни, пугаясь сена на шалаше, упорно облетали ту заводь, на берегу которой он расположился.

Через неделю — не больше — с тем же компаньоном мы были снова на этой речонке. Шалаш товарища был цел, но он категорически отказывался в него сесть, не желая, по его словам, «любоваться моей стрельбой», оставаясь сам в «священном сане». Долгое уговаривание и убеждения, что утка уже успела привыкнуть за это время к шалашу и не будет его бояться не привели ни к чему.

Товарищ требовал от меня, — мы ездили вдвоем в одном челне, чтобы мы переехали на другое место, так как здесь ему негде стоять зорю.

Я рискнул предложить поменяться местами, т. е., предложил ему просидеть утро в челне в моей старой закустовке. а самому сесть в его шалаш.

Вначале он, думая, что это только акт великодушия с моей стороны, не соглашался, а затем, видя мою настойчивость и желая, может быть, впоследствии надо мною посмеяться, принял приглашение.

Расставив чучела и высадив криковую, я сел в шалаш, а товарищ, бурча под нос про чье-то «ослиное упрямство», уехал на челне.

Каюсь теперь, что я тогда несколько волновался: на карту как ни как было поставлено охотничье самолюбие и тот опыт по утиной охоте, который за мною признавался многими знакомыми охотниками.

Но мои волнения оказались напрасными: как никогда работала подсадная, недурно удавалась манка голосом, и селезни валили к моему шалашу.

В каком-то упоении я, забыв про спор с товарищем и про то, что я сижу в злосчастном по прошлой охоте шалаше, посылал выстрел за выстрелом в садящихся к чучелам селезней, которых услужливо прибивал ветерок к берегу заводи.

Лишь изредка я слышал выстрелы моего товарища из челна... Не до них было...

Наконец, лет спал, и я получил возможность подвести итоги: 11 кряковых красавцев, 3 чиренка, гоголь, два селезня чернухи и один красноголовый нырок были результатом зари...

Я вспомнил спор с товарищем и, поглядев на солидную горку добычи, успокоился.

Скоро подъехал на челне и компаньон. Он стрелял много, убил тоже не мало, но всетаки на селезня меньше, чем я!

Оглядев мою добычу, он вынужден был согласиться, что прав был я.

Помню еще случай, когда мы, также вдвоем, охотились на берегу огромного озера. Берег был гладкий, без всякой растительности. В то время я был еще молод, и опыт мой по охоте на уток был весьма невелик. По предложению более опытного товарища, мы вырыли ямки в песке, насыпали вокруг из того же песка вал и окончательно замаскировались кусками тины, в изобилии валявшейся на берегу.

Но мне казалось, что моя засидка слишком открыта сверху, и я отправился за прутьями. Тщетно уговаривал меня товарищ, — я его не послушался. И шалаш мой был к началу зари тщательно замаскирован ветвями не только с боков, но и сверху.

Утром товарищ стрелял порядочно, убив около десятка селезней.

Моя охота началась было недурно: кряковый селезень и шилохвость один за другим сели к моим чучелам и угодили под выстрел. Но потом вдруг словно наколдовал кто-то...

На страстный зов подсадной летели к моей засидке селезень за селезнем, но, приблизившись, вдруг сворачивали в сторону и усаживались в отдалении, усиленно жвякая, но не подлетая и не подплывая ко мне.

С восходом солнца прекратилась охота и у моего товарища. Просидев еще с полчаса, мы вышли из шалашей и отправились к дому. Я жаловался на невезенье, а товарищ только посмеивался...

Через три или четыре дня мы как-то проспали время выхода на охоту в намеченное, далеко отстоящее от деревни, место. Товарищ предложил отправиться на наши старые места, где мне так «не повезло». Огорченный тем, что заря в прекрасном намеченном угодье была потеряна, я согласился на его предложение только при условии, если он уступит мне свое место, а сам возьмет мое. К моему удивлению (нужно сознаться, — мой спутник был довольно-таки жаден до дичи...) он охотно согласился.

Мы поменялись местами, и я заранее злорадствовал...

И что же!... В темноте мы стреляли приблизительно одинаково — взяли что-то около 4-5 селезней каждый. Но с восходом солнца моя охота прекратилась: утки отчетливо замечали меня сверху и облетали мою засидку. А из ветвей, которыми я так старательно три дня тому назад замаскировал песчаную засидку, то и дело вырывался дымок за дымком, и я видел, как вслед за каждым ударом ружья волна подносила к берегу нового селезня!...

Я вынужден был долго наблюдать это, так как мой товарищ прекратил охоту только в десятом часу утра. А я все это время сидел без выстрела, всячески ругая себя за недогадливость и отсутствие опыта.

— Иначе, ведь, я бы понял, — думал я, — что за эти три дня утка успеет привыкнуть к моему шалашу, перестанет его бояться, а вместе с тем закрытый сверху и хорошо замаскированный ветвями с боков шалаш даст возможность продолжать охоту и при свете дня, в то время, когда охота из открытого сверху и плохо защищенного с боков шалаша товарища станет уже невозможной.

Опыт пришел ко мне значительно позднее...

Итак, самое важное в устройстве шалаша — это слить его возможно полнее с окружающей обстановкой.

Если этого сделать почему либо нельзя, необходимо приготовить шалаш, или еще лучше несколько шалашей, заранее. При этом необходимо помнить, что чем больше пройдет времени между постройкой шалаша и его использованием для охоты, тем лучше, так как тем больше привыкнет к нему утка.

Указанное правило рекомендуется особенно помнить при охоте во второй половине весны, когда утка пролетная уже отлетела дальше, и осталась только местная, в данной местности летающая, а, следовательно, и постоянно здесь живущая.

Если обстоятельства позволяют, необходимо делать шалаш возможно более просторным, чтобы в нем можно было сидеть, а то и лежать, с удобствами и стрелять, не просовывая ствола ружья сквозь стенки шалаша.

Сидеть в шалаше, в особенности на утренней заре, приходится очень долго.

Поэтому следует сделать так, чтобы сидеть было удобно: подложить под себя сена или соломы.

В стенках шалаша необходимо изнутри заранее сделать окна, чтобы сквозь них можно было, не раздвигая стенок, свободно осматривать всю площадь, на которой расставлены чучела и подсадная, и где могут садиться селезни. Сквозь эти же окна обычно и приходится стрелять.

Следует помнить, что очень часто, сделав как будто бы плотный шалаш в темноте, убеждаешься потом, когда станет светло, что сидишь плохо скрытый от взора уток, и что стенки шалаша совершенно дырявы. Такой шалаш, конечно, не годится.

Поэтому советую, строя шалаш затемно, иметь это обстоятельство в вицу и не смущаться могущей показаться в момент постройки шалаша излишней толщиной и плотностью его стенок.

Чтобы покончить с указаниями о постройке шалаша, необходимо сказать несколько слов об устройстве его крыши, т. е., верхней стенки, маскирующей охотника от взоров птиц, летящих над или высоко около шалаша.

Как я уже имел случай писать выше, для успешности охоты, в особенности на утренней заре, верхняя маскировка крайне важна. Для вечерних зорь она имеет меньшее значение, хотя на севере, где охота продолжается почти всю ночь, и даже в середине "белой" ночи вполне светло, устраивать ее приходится почти всегда.

Из шалаша селезня весной на 75% приходится стрелять сидячим: в лет стреляешь редко. Но, тем не менее, иногда приходится, и, чтобы не лишать себя возможности стрелять по селезням в лет, а при известной удаче и свалить дуплетом пару этих красавцев, весьма полезно делать крышу хотя и плотной, но легко раздвигающейся, когда охотник встает на ноги. Это легко достигнуть, если крышу делать сплошь из ветвей кустарника, но не переплетая их друг с другом или с ветвями куста, в котором или около которого устроен шалаш, а только укрепляя толстый конец ветвей в стенках шалаша, а тонкий — свободно свешивая внутрь. Высота шалаша должна быть такова, чтобы охотник мог свободно, не сгибаясь, в нем сидеть, но в тоже время такой, чтобы, когда он встал на ноги, ветви не мешали ему стрелять поверх стенок.

В первые дни весны, когда лежит еще снег, а берега водных пространств покрыты обломками льдин, засидку приходится делать, применяясь к окрасу и характеру берега, т. е., из льдин, снега и т. п. В этом случае для облегчения устройства засидки весьма может пригодиться кусок белой или суровой материл шириной около аршина, а длиной около 7-8 аршин, прикрепленной к заостренным с одного конца четырем колышкам, которые втыкаются в землю так, чтобы вокруг охотника оказались бы стенки из материи. Достаточно привалить к такой стенке несколько льдин, глыб снега, запорошить их береговым мусором, чтобы хорошо скрывающий охотника шалаш был готов. Сверху также следует устроить из хвороста или чего либо подобного крышу, а в стенках несколько отверстий-окон.

Позднее, когда снег сойдет, растают льдины, зазеленеет трава, и оденутся листвой кустарники, можно пользоваться таким же куском материи, но уже иного цвета: или под окрас почвы, или под окрас растительности.

Гораздо чаще охота на селезней на манку производится не с берега, а с челна, с лодки.

Наиболее удобным типом лодки для такой охоты, равно как и для всякой охоты на уток во все времена года, является подъездной челн, об устройстве которого и об его высоких качествах для охоты я подробно говорю в главе III настоящей книжки.

Но, конечно, охотиться весной можно из всякой лодки, лишь бы она не была чрезмерно велика (иначе трудно шалашиться) и не сидела бы глубоко в воде, — иначе нельзя иногда встать на наиболее подходящем, но недостаточно глубоком для передвижения на лодке месте. Само собой разумеется, что в целях наибольшего удобства для зашалашения лодка не должна своими бортами выдаваться высоко над водой, но вместе с тем она должна быть достаточно устойчивой. Конечно, можно охотиться и из легкой, мелкосидящей и весьма неустойчивой посудины, — скажем, парусиновой байдарки, — но только на небольших, закрытых от ветра водных пространствах. На больших же разливах рек, на озерах, а тем более на море, пользование для охоты вообще, а весной и осенью — в особенности, лодкой недостаточно устойчивой часто просто небезопасно. Но обо всем этом я буду говорить особо.

При охоте с лодки основные правила расстановки чучел, посадки криковых и шалашения, конечно, одни и те же, что и при охоте с берега. С челна или лодки удобнее охотиться прежде всего потому, что, во-первых, охотник в этом случае нисколько не стеснен выбором места, а, во-вторых, не боится расстановки чучел и посадки подсадной на глубоком месте, куда в сапогах не пройдешь. При охоте с лодки можно брать с собой

большее количество багажа, чучел, подсадных и пр., так как весом особенно не стесняешься.

В челне все с собой, все под руками. Челн — это плавающий дом, в котором при хорошем его устройстве и некотором навыке чувствуешь себя прекрасно и в непогоду, и в дождь, и в холод. Располагаешься в нем с большими удобствами. Сидишь или лежишь на сене. Патроны — в патронном ящике. В валенках и полушубке тепло. Пойдет дождь, — достанешь дождевик. А если дождь польет, как из ведра, — то и он не страшен: натянешь палатку, разведешь примус, вскипятишь чайник и попиваешь себе чай, не боясь ничего. Правда, в этом случае охота почти пропала, — но и то несовсем. Мне, по крайней мере, неоднажды удавалось стрелять селезней через окно палатки, когда дождь, как горох, барабанил по брезенту, а в палатке кипел чайник...

Конечно, в челне и лучше, и удобнее коротать ночь. В палатке тепло и светло. Выспишься с удобствами, а если спать не хочется, то можно и почитать.

Впрочем, обо всем этом я поговорю в дальнейшем.

Обычно челн приходится устанавливать на зорю не на открытой воде, где и утка-то плохо держится, да и зашалашиться трудно, а в кустах, залитых водой, в остатках прошлогодних камышей и тростника, вблизи берега, около залитого стога сена и проч.

Для постановки челна в кустах обычно разгоняешь челн и кормой въезжаешь в намеченный куст так, чтобы только нос его да корма выдавались из куста. Ветки куста служат основой для шалаша. Для окончательной маскировки обычно применяют привезенные с собой ветки кустарника или какой-либо иной материал, заготовленный заранее. Нос и корму челна замаскировывают теми же ветвями, сеном и проч.

Место для установки челна, точно так же, как и место для береговой засидки, следует по возможности ежедневно менять, в особенности во втором периоде весны, когда останется только летающая в данной местности птица. В противном случае утка, напуганная выстрелом, видом человека и прочего, будет облетать засидку.

Все сказанное выше про необходимость шалашения на берегу в строгой зависимости от окружающей обстановки, выбор всегда соответствующего материала для шалашения и проч., в равной мере относится и к маскировке челна.

Ранней весной челн нужно иметь окрашенным в белый цвет, под окрас снега и льдин, а позже — под цвет воды.

Теперь необходимо сказать несколько слов о постановке чучел и криковых уток. При охоте с берега чучела и криковых обычна ставят с берега, продвигаясь по воде в сапогах. Иногда приходится заносить чучела на длинном шесте, — если вода глубока, — а подсадную закидывать, предварительно и тех, и других прикрепив веревочкой за поводок, конец которой оставляют на берегу, чтобы можно было их при снятии подтянуть, не входя в воду. В противном случае, если ветром или приливом нагонит воду, то снять чучела или подсадных с берега с помощью даже длинных сапог часто не представится возможным. На ночь, на время, когда охота прекращается, и если предполагается угром охотиться из того же шалаша, что и вечером, подсадных необходимо обязательно снимать, иначе утка за ночь устанет плавать, намокнет и на угро не будет кричать. Кроме того, подсадную в ночь необходимо как следует накормить, да и вообще перед тем, как сажать подсадных, необходимо их накормить досыта, т. к. голодные криковые, будучи посаженными в воду,

увлекутся отыскиванием корма, начнут нырять, рыться в тине и не будут обращать должного внимания на селезней. Сняв с воды подсадную, необходимо ее посадить в корзину и хорошенько покормить, не забыв поставить ей и воды. Сажать их следует, как я уже говорил выше, отдельно от селезня.

Чучела, если охота на утро предполагается в этом же самом месте, и нет опасения, что за ночь ветром или течением их может унести, можно оставлять на воде.

При охоте с лодки чучела и криковых ставят таким же образом, как и с берега, только самая установка их производится обычно непосредственно с челна.

Если охота предполагается утром на старом месте, то для того, чтобы не выезжать обязательно из закустовки, — что часто приводит к ее полному разрушению (если, конечно, выезд не вызывается необходимостью собрать убитых уток), — я часто применял следующий способ расстановки криковых: к якорьку, на который привязана за ногавку подсадная, прикрепляется тонкая бичева, аршин 10—15 длиной, конец которой и оставляется в челне. Когда нужно было снять подсадную, я осторожно, потихоньку тянул к себе эту веревочку, и, таким образом, криковая вместе с якорьком приближалась к самому челну, и я получал возможность свободно, не ломая закустовки, взять подсадную в челн. На утро, или когда снятие вызывалось необходимостью смены подсадной, я оставлял конец бечевки в челне (привязанной), бросал подсадную вместе с якорьком перед лодкой в нужном направлении и, таким образом, ставил ее приблизительно на нужное место.

Некоторый опыт и, главное, осторожное обращение (при неосторожном бросании и доставании указанным способом криковой можно легко сломать ногу и загубить прекрасную подсадную) давали мне возможность при благоприятных условиях, применяя двух подсадных по очереди в каждую зорю, зашалашившись с вечера, не выезжать из закустовки до окончания охоты угром, все время работая со свежими подсадными.

Следует иметь в виду, что нужно по возможности реже выезжать или выходить из закустовки, чтобы, во-первых, ее не повреждать, а, во-вторых, не отпугивать зря уток. Вообще возня с выходом или тем более с выездом на лодке из закустовки, а в особенности на открытом челне, очень неприятна, мешкотна и сопряжена с необходимостью вслед за этим чуть ли не заново строить весь шалаш. Поэтому следует при выборе места для охоты из шалаша руководствоваться наличием того или иного течения, направления ветра и т. д., и при прочих равных условиях всегда выбирать такое, в котором бы убитые утки не относились вдаль от охотника, а, напротив, — приближались бы к шалашу, а еще лучше прибивались бы к берегу или к густым кустарникам, где их легко было бы по окончании охоты собрать. При этом не следует забывать, что, если течение или ветер вообще или в данный день отсутствуют, и убитые утки остаются среди чучел, то они будут отпугивать пролетающих уток. В этом случае делать нечего: если убито три—четыре утки, приходится выезжать или выходить за ними из шалаша.

Кроме указанных соображений при выборе места для охоты, всегда нужно выбирать наиболее излюбленные селезнями места. При этом весной следует помнить, что не всегда хорошие жировые кормные места оказываются наиболее удачно выбранными для охоты по селезням на манку. Летом и осенью — дело другое, но речь об этом ниже.

Далее, всегда следует выбирать место для охоты так, чтобы место, где расставлены чучела, посажена подсадная и могут сесть утки, приходилось бы против зари, на которую

становится видно или продолжает быть видным уже или еще тогда, когда не на зорю (уже или еще) стрелять совершенно невозможно.

Таким образом, наиболее удачно выбранным для охоты весной на селезней местом явится такое место, мимо которого постоянно летают селезни, или около которого они держатся вечером и утром, в котором легко можно устроить шалаш, стать лицом к заре, и в котором убитые утки прибиваются течением или ветром к берегу или к кустам на виду у охотника. Последнее обстоятельство настолько важно, что я лично часто предпочитал встать на более худшем по богатству селезнями месте, но лишь бы не требовалось обязательно вслед за каждым удачным выстрелом выезжать за добычей, — настолько это неприятно и портит охоту.

Вообще же говоря, выбор того или иного места для охоты на манку весной всецело зависит от опытности охотника и знакомства его, как с местностью, так и с повадками уток в данном районе и в данное время.

Опыт этот подскажет, что иногда там, где вечером выдалась прекрасная заря, где за вечер удалось выпустить два-три десятка выстрелов, на утро не увидишь ничего, — и наоборот. Этот же опыт укажет, что то место, где и надеяться нельзя было сделать пару выстрелов по селезням ранней весной, поздней весной окажется наилучшим, и т. д.

По этому поводу не могу не поделиться двумя случаями из моей охотничьей практики.

Однажды в конце весны, запоздав на вечернюю зорю (нужно было отмахать на веслах на подъездном челне свыше 30 верст), я вынужден был зашалашиться, чтобы не пропустить совсем вечерней охоты, в первой попавшейся заводи разлива могучей Сухоны.

Расставлены чучела, посажены криковые...

Чудный вечер.

Кругом — утиное эльдорадо...

И за вечер ни одного выстрела!!!

Огорченный неудачей, я решил немного отдохнуть и ночью переехать на другое место, где и отстоять утреннюю зорю.

Весело шумел примус, бурлил чайник, чуть колеблясь, горела в палатке челна свеча. Основательно подкрепив свои силы чаем и закуской, я закрыл дверцы палатки, потушил свечу и разлегся на душистом сене (по дороге я предусмотрительно снял верхушку полузатопленного стога)...

Спать я не собирался, хотя и очень хотелось... Папироса за папиросой вынималась из портсигара... И как-то незаметно для себя я все же заснул...

Разбудил меня отчаянный крик моих подсадных, сидевших в корзине в носу челна. Открыв дверцу палатки, я ахнул...

Уже сильно светало.

Вокруг челна, внемля голосу моих подсадных, азартно жвякая, летал селезень.

Хлопнув себя по затылку от досады, я заторопился, но ехать на новое место, а тем более тратить время на его розыски, было уже поздно: я постыдно проспал зорю.

Помня неудачный вечер, я с большим неудовольствием направил свой челн к противоположному берегу заводи чтобы встать лицом к заре, и с сильного разгона въехал кормой вперед в густой куст, весь засыпанный какими-то белыми цветами. Что это были за кусты, — я не поинтересовался: было некогда. Шалашиться было легко, — показавшиеся листы кустарника и белые цветы облегчали маскировку челна.

Выброшены чучела, выпущены подсадные.

—А-та-та-та, — завели они свою песню.

Сразу же отозвался кряковый: подлетел, зашумел над самой уткой крыльями и плюхнулся у чучел. Вслед за выстрелом, прервавшим жизнь красавца-крякового, где-то недалеко прозвенел нежный голосок чирка-трескуна. Я поманил, — и чиренок попал под выстрел...

Снова зажвякал кряковый, опять заголосила подсадная, и снова выстрел.

С шумом уселись к черневым чучелам пять гоголей: две самочки и три селезня. Один был убит сидячим, другого удалось взять на подъеме...

В результате утренней зари я взял в том же самом месте, где накануне вечером просидел без единого выстрела и видел всего одного — и то далеко — чирка-трескунка, десяток селезней, заплатив, правда, за это удовольствие чудовищной головной болью: оказывается, что я зашалашился в кустах черемухи и чуть ли не пять часов, ничего не замечая в азарте охотничьей страсти, дышал ядовитым и с тех пор ставшим мне противным запахом ее одуряющих цветов.

Другой случай был со мной на самом большом из озер Европы — на несравненной Ладоге.

За весну того года мне пришлось быть на Ладоге только два раза — в разгар весны и в конце ее, во второй половине мая.

Оба раза я охотился в одном из лучших утиных мест Ладоги. В первый раз охота была — как всегда: 4-5 и до 7-8 селезней в зорю. Охотился я на обычных своих местах.

Приехав позднее, я четыре зори в тех же самых местах, при наличии громадного количества селезней, правда, уже держащихся табунками, потерял почти зря: 1-2, а то и ни одного селезня за зорю!

Я недоумевал. Начал думать и в результате — додумался.

Плюнув на челн и чучела и забрав с собой в лукошке одну подсадную, я пешком побрел вглубь губы, к самой деревне, где озеро постепенно переходит в болото, прорезанное множеством ручейков и крошечных озерушек, густо поросших растительностью и по берегам одетых уже зелеными кустарниками.

Ранней весной тут и делать-то было бы нечего: не было утки совсем.

Но не то оказалось поздней весной. И именно в этом месте, при наличии одной подсадной, без чучел, из плохо сделанного шалашика, мне пришлось взять едва ли не лучшую из всей моей охотничьей практики, вечернюю зорю по селезням весной. Я убил за вечер 12 селезней, исключительно кряковых, причем четырех из них мне удалось свалить двумя красивыми и трудными дуплетами.

Вся утка была в этом конце губы, и я, с сожалением покидая в ночь это чудное место, неся в руках лукошко с подсадной, а на плечах имея двенадцать тяжелых весенних селезней, думал: «Век живи — век учись».

Чтобы закончить об охоте на селезней на манку весной, мне остается еще сказать несколько слов о стрельбе.

Как я уже говорил выше, стрелять приходится, главным образом, по сидячей птице и притом почти исключительно по плавающей на воде. Очень часто приходится стрелять, когда еще довольно темно. Вот поэтому-то очень важно ставить подсадных и чучела обязательно на зорю и на небольшом расстоянии от шалаша. В этом случае, хотя кругом еще темно, на зорю видно довольно хорошо, и не только можно видеть подсевшую птицу, но и различить, села ли утка или селезень.

Когда селезень сел далеко, не следует торопиться стрелять. Если подсадная работает хорошо, или сам охотник хорошо манит, чучела в порядке, и шалаш выстроен умело, — селезень не уйдет. Точно также не следует и торопиться стрелять в лет по пролетающему селезню, — кряковый очень часто перед тем, как сесть, раз или два облетает утку (шилохвость это делает почти всегда). Чирок — тот проще: заслышав или завидев себе подобных, он прямо плюхается к чучелам, при этом почти всегда с голосом.

Единственное исключение из этого правила — свиязь, вообще весьма редко подсаживающаяся весной к чучелам. Ее лучше стрелять в лет, так как надежды на то, что она подсядет, мало.

Чернеть и гоголь, если есть черневые чучела, обычно подсаживаются, причем чернеть охотнее, чем гоголь.

Если к чучелам весной подсядут одновременно и селезень, и утка, — обычно можно определить, который из двух виднеющихся силуэтов — селезень, по окрасу. Но я бы вообще дал совет: не стрелять до тех пор, пока окончательно не убедишься в том, что целишь именно в селезня, и выстрел не может случайно задеть сидящую рядом утку. Лучше вовсе воздержаться от выстрела, если есть хоть малейшее сомнение в том, что целишься не в селезня, а в утку, или если боишься случайно задеть и ее...

По тем же причинам следует избегать стрелять в темноте в лет. Часто бывает, что слышишь голос селезня, видишь, что мимо летит какая-то утка, стреляешь в полной уверенности, что на мушке селезень, а в результате падает утка: селезень летел рядом с ней, но ты его не видел, а выстрелил по летевшей тут же его подруге, о присутствии которой и не подозревал...

Сказанное выше о необходимости сугубой осторожности при стрельбе в темноте должно быть отнесено не только к возможности случайно убить дикую утку-самку, но и свою же подсадную: очень часто в темноте трудно различить, где подсадная и где подсевший селезень. Кроме того, селезень (кряковый) часто садится прямо к подсадной, и нет возможности убить его, не задев выстрелом и криковой. Конечно, стрелять в этом

случае не следует, а нужно дать селезню отплыть от утки, или же — что лучше — вспугнуть селезня и взять его на подъеме.

Следует помнить, что дробь летит очень широко, и что были случаи попадания в криковую или в дикую утку-самку, сидящих от селезня на сравнительно порядочных расстояниях, — в 2-х и более аршинах,

Очень часто приходится стрелять через подсадную по севшему селезню. Это тоже необходимо проделывать весьма осторожно, так как я, например, знаю случай, когда подсадная была убита при таком выстреле не дробью, а жестким пороховым пыжем, угодившим ей в голову в расстоянии пяти-шести аршин от челна.

Помимо случайного попадания дробью в криковых, стрельба по селезням, севшим вблизи от них, опасна еще и тем, что криковая начинает бояться выстрела (не звука его, к которому она вообще скоро привыкает, но, главным образом, удара дробового снаряда по воде вблизи нее), начинает при выстреле нырять, рваться с ногавки и проч., а так как она скоро сообразит, что выстрел происходит вслед за прилетом селезня, то перестанет вовсе кричать.

Точно также во избежание стрельбы впустую, а также и порчи чучел, следует внимательно отличать подсевших уток от плавающих чучел. При этом нужно не забывать, что чучела, движимые течением или ветром, плавают на воде весьма естественно, часто перемещаются и даже при внимательном их оглядывании могут быть все-таки в темноте с легкостью приняты за живых уток.

Вообще на весенней охоте всегда следует вести себя хладнокровно и выдержанно, — иначе и охоту испортишь, да и удовольствие, доставленное удачной зарей, омрачишь случайно сваленной выстрелом самкой-уткой или подсадной.

Если подбитый селезень бьется на воде или стремится уплыть, всегда следует его достреливать, не жалея патрона, а не гнаться за подранком в сапогах или на челне, впопыхах разворотив шалаш и испугав уток и тем самым испортив иногда охоту на всю зорю.

Помимо дробовика обычного типа, весьма полезно на охоте по селезням на манку иметь при себе и хорошую винтовку. Огромное удовольствие — взять на 100-150 шагов красавца-селезня или подсевшего гуся и даже белоснежного лебедя, — понятно само собой...

Крупнокалиберные уточницы, как ружья, предназначенные для стрельбы по утиным стаям, весной совершенно не нужны, так как стрелять по стаям, на больших расстояниях, не только не приходится, но и нельзя: при таком выстреле возможность убить и селезней, и одновременно самок — одинакова.

Остается еще сказать два слова о часах дня, ночи и утра, в течение которых происходит охота на селезней весной на манку. Определить эти часы трудно: в разных местностях и в разные периоды весны они различны.

Ранней весной охота вечером начинается раньше, а утром — позже.

Как общее правило, следует сказать, что вечерняя заря начинается за полчаса, за час до захода солнца, причем в пасмурные дни раньше, чем в ясные. Прекращается охота вечером с темнотой.

Утренняя охота начинается едва лишь забрезжит, а кончается часа через два-три после восхода солнца. Впрочем, в местах, где утки много, и где она не напугана, охота утром даже поздней весной может с успехом продолжаться и до 10-11 часов дня.

На севере поздней весной, когда вечерняя заря почти сливается с зарей утренней, охота продолжается весь вечер, ночь и утро почти без перерыва, хотя обычно между 11-тью часами вечера и часом ночи перерыв все же наступает [Я намеренно подробнее остановился на отдельных деталях весенней охоты, так как многое, сказанное выше об устройстве шалаша, расстановке чучел, посадке криковых и прочего, вполне приложимо к охоте на уток из шалаша и в другие времена года.]

Лето

Условиями летнего периода жизни уток (я говорю только о лете, начиная с 1-го августа) определяется и характер летних способов и приемов охоты на уток.

В период начала летней охоты на уток они еще держатся выводками. При этом и выводки, и одиночные утки избегают чистой воды, а наоборот, держатся в зарослях тростника, хвоща, камыша, травы и проч.

Поэтому характер летней охоты на уток в августе носит обычно характер охоты на вылетку с подъезда или с подхода.

В зависимости от характера угодий, где водится утка, видоизменяется и характер охоты и стрельбы.

Охота с подхода на вылетку

На больших водных пространствах, густо поросших растительностью, где держится утка, охота с подхода на вылетку возможна лишь с берега, или же, если вода невысока, то передвигаясь пешком, по колено и даже по пояс в воде, по камышам, хвощу и проч. Если же вода высока, или дно вязко, и ходить пешком не представляется возможным, а с берега ничего не сделать, то на таких водоемах без лодки не обойтись.

В маленьких, не широких, хорошо одетых растительностью речонках, ручейках и болотцах ходовая охота на вылетку иногда бывает чрезвычайно добычливой и в то же время весьма легкой. Охотник идет по сухому берегу речки, ручейка или болота, поднимая перед собой уток и стреляя их в момент подъема, обычно в угон или реже — поперек. Такая стрельба весьма легка.

Если речонка или болото широки, и утка крепко держится в траве или камышах, так что легко пропускает мимо себя охотника, очень хорошо охотиться вдвоем. В этом случае

охотники идут по обеим сторонам речки, будучи связанными между собой длинной и довольно толстой веревкой, привязанной к их поясам. Длина веревки должна соответствовать ширине речки.

Веревка волочится потраве, выживая всю могущую спрятаться в густой растительности утку. Чтобы веревка не шла поверх травы, полезно в двух-трех местах привязать к ней небольшие тяжести. Таким же способом, кстати сказать, можно охотиться не только по уткам, но даже и по плотно сидящим бекасам и дупелям.

Но, конечно, гораздо лучше, добычливее и интереснее охотиться на вылетку в таких местах, где можно ходить пешком с собакой, хорошо идущей по утке. Стойка для утиной собаки — не важна. Гораздо важнее ее выносливость, небоязнь воды и уменье подавать убитую утку и доставать подранков. От хорошей утиной собаки ни один подранок не уйдет, как не пропадет зря и ни одна убитая утка, как бы далеко она ни упала, если, конечно, сама местность будет хоть сколько-нибудь этому благоприятствовать.

В больших водоемах или болотах, поросших растительностью, где ходьба пешком по зарослям по характеру дна и глубине воды возможна, также можно охотиться с успехом с подхода на вылетку.

Подтянувши повыше патронташ, так как часто приходится шагать по воде чуть ли не по пояс, охотник ходит по камышам, тростнику и проч., поднимая перед собой уток и стреляя их на взлете. При этом способе охоты, — надо сказать, очень утомительном и трудном, — собака весьма полезна, так как иначе огромное количество подранков и многие даже мертво убитые утки будут пропадать зря: найти их в густой растительности не представится возможным.

Помимо этого, необходимо иметь в виду, что стрельба на вылетку при таком способе охоты производится в крайне неблагоприятных условиях. Сама по себе стрельба не трудна, если, конечно, отбросить неудобства, проистекающие от связанности движений охотника: ноги вязнут, трава путается вокруг тела и пр. Но утку приходится стрелять тогда, когда она поднимается над травой и камышом, и стрелять снизу вверх, причем, если трава высока, а вода глубока, утка после удачного выстрела сразу же пропадает из глаз охотника за растительностью, и заметить точно место ее падения почти невозможно.

Однако, следует иметь в виду, что если вода высока, и собаке приходится не идти с охотником, а плыть за ним, путаясь в траве, то даже самой выносливой собаки хватит не надолго.

Однажды, увлекшись таким способом охоты, я чуть было не погубил собаки, которая до того устала плавать, что начала тонуть. Чуть ли не версту пришлось мне тянуть ее за ошейник за собой к берегу. Без моей помощи собака утонула бы наверное, хотя и проходил я с ней по озерку, где охотился, какой-нибудь час. Но озеро было довольно глубокое, вода местами доходила по пояс, и собаке все время приходилось плыть. Добрался я тогда с собакой до берега весь измученный и проклиная все на свете...

В таких случаях всегда следует предпочесть, если это, конечно, возможно, охоту с лодки, а собаку иметь при себе в лодке же для разыскивания тех уток, убитых и подранков, — которых достать самому непосредственно с лодки невозможно.

Охота с плавного хиста

В озерах или заводях, только по краям поросших растительностью или же имеющих большие плеса по середине, на которых и держатся преимущественно утки в продолжение всего дня, с успехом можно применять способ охоты на уток с подхода с помощью так называемого плавного хиста.

Мне лично никогда не приходилось пользоваться этим способом охоты, хотя я вполне уверен в его крайней практичности.

Я заимствую описание этого способа охоты из книги С.Н. Алфераки «Очерки утиных охот», который, в свою очередь, заимствовал ее из статьи Шляхтина, напечатанной в одном из дореволюционных охотничьих журналов:

«Устройство хиста чрезвычайно просто, незатейливо, и материал для него здесь же под рукой: это куга, растущая в изобилии или на самом озере, или вдоль берегов густыми кустами. Можно употреблять для той же цели и чакан, но он растет значительно реже, чем куга, и чтобы нарезать его достаточное количество, нужно употребить больше времени. Нарезавши два пука куги желаемой толщины, складывают кугу верхушками внутрь, в середину, а толстыми концами наружу: получается один длинный пук в 3,5-4 или 4,5 аршина длиною. Чтобы удлинить этот пук, стоит только пучки раздвинуть подальше, так, чтобы концы куги едва заходили один за другой, а посредине положить еще третий пучек, который будет служить как бы стойкою. Затем пук туго связывается скрученною хворостиною (так называемым «клячем») сперва посередине, потом отступя и у концов. После того хист сгибается в середине под острым углом и стягивается хворостом же. Затем несколько толстых прочных хворостин протыкается в обе стороны хиста так, чтобы образовался переплет, на который настилается несколько травы, здесь кладется вся амуниция охотника: сумка, сапоги, патронташ, брюки и пр. Вдоль же краев хиста натыкаются стебли камыша, хвороста, разных бурьянистых трав, которые тоже растут под рукою: натыкаются эти растения густо, над наружным краем — в два ряда, над внутренним — в один, так, чтобы даже острый взгляд кряковой утки не мог проникнуть внутрь хиста. Втыкаются растения не прямо, а несколько вкось, чтобы верхушки их нагибались внутрь и закрывали охотника сверху. Посередине ставится рогулька, как подсошек, для верности стрельбы, а против нее раздвигается небольшое отверстие для просовывания ружья. И вот вам плавной хист готов.

Сделать его легко и скоро: в каких-нибудь 20-30 мин. вдвоем можно легко сделать два хиста.

Затем отодвигаешь хист от берега, бредешь и, упираясь грудью в края, подвигаешь (как говорят здесь [Автор цитируемой статьи — Шляхтин — описывает охоту под Новочеркасском, и поэтому под словами «здесь» и «в наших краях» следует понимать окрестности г. Новочеркасска.] «гонишь») его вперед по воде, стараясь идти не быстро и порывисто, а плавно, и не прямо на уток, а несколько в бок, полукругом около них,

постепенно приближаясь на выстрел к ним, в особенности, если это будут осторожные кряквы. К некоторым же птицам, как, напр., к лысухам и чернети, можно идти напрямик.

Озера к концу июня значительно мелеют, и по ним можно бродить вдоль и поперек: самая большая глубина бывает по плечи и по шею, но и тут все таки не горе, так как ружье и все доспехи лежат на хисте на сухом, а мокнешь только сам. Уток же не трудно подогнать к более мелкому месту. Охота с хистом чрезвычайно приятна. В наших краях весь июль и большую половину августа стоят страшные жары; днем термометр показывает от 28 до 35 градусов по R, и даже ночью редко меньше 18 градусов, а то и 19-20. Вода в это время очень теплая, и побродить по ней часа 3-4 и приятно, и полезно: тут и охотишься, и купаешься вместе, да и не утомляешься особенно.

Утки очень доверчиво относятся к хисту, принимая его за обыкновенный куст куги или камыша; даже выстрелы не разуверяют их в этом: утки не понимают только, откуда они раздаются. Если охотник не показывается из хиста и в азарте не выскакивает подбирать убитых, то можно много раз стрелять по одному и тому же стаду; после выстрела оно только перелетит на другое место и сядет. А навернет какая утка, то можно и в лет убить. Но, разумеется, выгоднее стрелять сидячих, так как при этом можно застрелить 2-х, 3-х зараз. Убитых кладешь здесь же, в хист, между рядами воткнутых стеблей. За одну охоту с плавным хистом убивают до 15 пар и больше, что зависит как от количества уток на озере, так, пожалуй, и от уменья, ловкости и терпения охотника. С хистом можно охотится и одному, но еще лучше вдвоем, с двумя хистами: один тогда становится на одном конце озера, другой на другом. Утки перелетают от одного к другому и к кому ближе сядут, тот и подгоняет свой хист к ним и стреляет.

Один и тот же хист годится для другой и третьей охоты; нужно только переменить закрытие (понатыкать свежих стеблей); но резоннее охотиться со свежим, только что сделанным хистом: он не шуршит, не шелестит при прикосновении к нему так, как старый, высохший уже хист, и потому меньше возбуждает подозрение уток».

К сказанному выше о наиболее распространенных способах охоты на уток летом с подхода остается добавить лишь немногое.

Разнообразие характера утиных угодий и даже поведения самих уток порождает и бесконечное разнообразие утиной охоты летом с подхода. Иногда, — и мне это удавалось довольно часто — возможно с успехом охотиться на уток из-под легавой. Берег озера, поросший только узкой полоской тростников, или же мокрый, переходящий в болото берег речонки или озера, допускающий легкую и относительно бесшумную ходьбу и для охотника, и для собаки, создают благоприятные для этой охоты условия. Чувствуя себя достаточно защищенной от глаз охотника плотной растительностью, утки, в особенности кряковая, в полдневный жар прекрасно выдерживают стойку собаки, и в таких местах охота на уток из-под легавой может быть и чрезвычайно добычливой, и интересной. Само собой разумеется, что такая охота возможна только на те виды уток, которые держатся в траве вблизи берегов, и поэтому взять из-под стойки собаки гоголя, чернеть и пр. почти никогда не удается. Охота эта непродолжительна, наиболее удачна еще тогда, когда утка держится в выводках, и только в таких местах, где утку мало тревожат и люди, и собаки.

Иногда в извилистой, поросшей по берегам кустарниками речке или в озерке, опоясанном узкой, но плотной полосой камыша, удается высмотреть уток издали и, скрываясь за прибрежными кустами или камышом, подойти к ним на выстрел.

Словом, способы охоты на уток с подхода летом чрезвычайно разнообразны, и каждый дельный, знающий охотник всегда сумеет применить наиболее подходящий к данной местности и к данным условиям прием.

Охота с подъезда на вылетку

Охота на уток летом с подъезда на вылетку, пожалуй, наиболее известный и распространенный способ охоты на уток вообще. Охотятся таким образом и на морских побережьях, и на озерах, и на реках и речонках. Само собой разумеется, охота эта возможна только в таких местах, где существует богатая водная растительность, с одной стороны, дающая прекрасный приют утке, а, с другой стороны, скрывающая лодку и охотника при их приближении к дичи. Если растительность редка и невысока, если лодка видна издали, и утке спрятаться негде, она, если только успела привыкнуть бояться человека, не допустит к себе охотника на выстрел.

Самому охотиться с подъезда очень трудно. Нужно одновременно и гнать лодку вперед в нужном направлении, причем гнать умело, т. е., бесшумно и осторожно, и в то же время в любой момент быть готовым к выстрелу. В большинстве случаев это невозможно, и во всяком случае ни того удовольствия, ни того количества дичи, какое можно добыть охотясь вдвоем, не получишь.

Поэтому с подъезда на вылетку чаще всего и охотятся вдвоем, причем стрелок размещается на носу лодки лицом вперед, а толкач (или «пихаль», или «каталь», — человек, пихающий, катающий лодку) на корме с веслом или шестом в руках. Челн обычно приходится вести не с помощью весел, так как от последних и шум получается большой, да и гнать лодку по траве, камышам и пр. на веслах неудобно, а с помощью длинного шеста или специального весла-пропешки. Пропешка служит и для толкания челна, т. е., заменяет шест, и для управления его ходом. На местах, где шестом или даже длинным веслом до дна не достанешь, пропешкой гребут с кормы, как обычным кормовым веслом.

Искусство толкача заключается в умении без шума и покачиваний плавно гнать челн с достаточной скоростью, от чего в значительной степени зависит успех охоты.

Охотник обычно располагается на носу лодки лицом к движению или, еще лучше, — для удобства стрельбы по вылетающим вправо от лодки птицам, — левым плечом к носу. Лучше всего (если на лодке нет специально устроенного вращающегося стула) сидеть на коленях на дне ее. В таком положении от движений охотника, иногда порывистых и быстрых при стрельбе по внезапно вырывающимся птицам, лодка получает меньше толчков, что, конечно, благоприятно отражается на результатах стрельбы, да и утка меньше боится (в особенности в низкой траве) лодки, так как охотник лишь немного высовывается над ее бортами.

Очень удобное приспособление для стрельбы уток из лодки (а также и при стрельбе уток из закопанных в землю бочек) предложено С.Н. Алфераки: вращающийся круглый стул, укрепленный на дне в носу лодки. Этот стул позволяет и сидеть на нем с большими удобствами, и стрелять, легко поворачиваясь на стуле, по любой птице, в какой бы стороне она ни вылетела или пролетала.

Стрельба уток с подъезда на вылетку довольно легка, и условия ее почти не отличаются от условий стрельбы уток на вылетку с подхода. Следует только учесть при этом, что стрелять приходится с качающейся и движущейся лодки и притом в довольно неудобном положении. Многие охотники почему-то предпочитают на этой охоте лежать в носу лодки с ружьем в руках. Правда, при таком положении меньше устаешь да и облегчаешь толкачу работу, но зато стрелять очень неудобно. Для того, чтобы выстрелить, приходится подниматься, колыхая лодку и теряя драгоценные секунды для стрельбы по утке именно в тот момент, когда ее полет переходит из вертикального в горизонтальный. В этот момент стрельба крайне легка: стреляешь по большой, с раскрытыми крыльями птице, как по сидячей или как бы неподвижно висящей в воздухе. Вследствие указанного, лежа в носу челна никогда не сможешь стрелять так удачно, как сидя на носу готовым в любой момент выпустить выстрел по взлетевшей птице, да и пропускать возможность сделать выстрел по утке, вылетевшей сбоку или сзади, будешь частенько.

Для удачливости охоты, в особенности, когда утка уже стала довольно строга, немаловажное значение имеет и ветер. Шорох лодки, бульканье воды и проч. по ветру слышны далеко и могут пугать утку. Предпочтительнее держать челн носом по направлению к ветру или вполоборота к нему. За ветром утка не будет слышать тех звуков, которые неизменно сопровождают, как бы ни был осторожен толкач, передвижение лодки по густой растительности.

Остается сказать несколько слов о лодке, с которой производится охота на уток с подъезда на вылетку. Для этой цели годится всякая лодка, лишь бы она была достаточно устойчивой, легкой на ходу, узкой (иначе ее трудно будет без шума гнать по траве, тростнику и проч.) и достаточно мелкосидящей. Окрас лодки особого значения для этой охоты не имеет, хотя, конечно, предпочтительнее темно-зеленый, под цвет растительности, или зеленовато-синий, под цвет воды.

Наилучшей лодкой для такого рода охоты, как и для всякого рода охот по уткам (с лодки, конечно), является подъездной челн (*о нем — ниже*) или обычный мелкосидящий в воде, длинный и узкий открытый челн, выдолбленный из осиновой колоды или сделанный из легких, но прочных досок.

Охота на утренних и вечерних перелетах

На обыкновении уток перемещаться вечером с тех мест, где они провели день, на места ночной жировки и на обратном возвращении утром с жировки к месту дневного пребывания основана охота на уток на зорях во время таких перелетов.

Это свойство переменять место дневки и ночного пребывания присуще почти исключительно уткам так называемых «благородных» видов и почти не присуще ныркам.

Места ночной жировки уток бывают различные. Иногда утка летит на ночь на хлебные поля, иногда на богатые пищей песчаные отмели, травянистые заводи и проч.

Но во всяком случае почти всегда утка обязательно оставляет то место, где она провела день, и перемещается на другое место, где и проводит ночь.

Перелеты уток на зорях начинаются со второй половины августа, т. е., с момента окончательного подъема молодых на крыло и завершения линьки стариков, и заканчиваются со стужей.

В начале лета вечерние перелеты совершаются еще при солнце. Но чем больше убывает день, чем раньше садится солнце, тем позднее летит утка на места жировки. Поздней осенью перелеты эти происходят почти в совершенной темноте, и стрельба на них этой темнотой чрезвычайно осложняется и затрудняется. Первыми летят чирки, последними кряква и свиязь. На места жировки утки летят и одиночками, и парочками, и маленькими стайками. Вечерний перелет растягивается на долгое время, но чем позже осень, тем короче длится перелет. Точно таким же путем возвращается утка и к месту дневки, причем чем позднее осень, тем на большее время растягивается утренний перелет.

Лишь поздней осенью, когда утки уже собьются в огромные стаи для совместного отлета на места зимовок, отлет на ночную жировку происходит сразу: вдруг снимается вся стая и с шумом уносится куда-то вдаль.

Утреннее же возвращение происходит иначе: все утки возвращаются на те же места дневки и, если никто им не помешает, вновь собьются в огромный табун, но возвращаются постепенно, маленькими стайками, парами, тройками и пр.

Задача охотника, желающего пострелять уток на вечернем и утреннем перелете, прежде всего заключается в том, чтобы отыскать те пути, по которым с удивительным постоянством передвигаются каждый раз утки. Опыт, знание мест, а, главное, наблюдательность охотника укажут эти пути.

После этого нужно найти подходящее место, Где можно было бы хорошо спрятаться от уток и занять наиболее выгодную для стрельбы по ним позицию. Очень важно, чтобы то место, где встаешь на стойку, совпадало с тем местом, где утки, часто летящие на места жировки очень высоко, наиболее снижаются.

Вставать на стойку приходится и на воде, и на берегу, но в обоих случаях важно хорошо укрыться и, главное, не шевелиться, так как каждое движение человека утка замечает и будет облетать то место, где спрятался охотник.

Общие правила устройства в таких местах шалаша и вообще какого бы то ни было другого сокрытия, о которых я писал выше, говоря об охоте весной, точно также должны соблюдаться и при охоте на перелетах. Только следует иметь в виду, что на перелетах уток приходится почти всегда стрелять в лет, и поэтому лучше всего, если охотник будет не сидеть, а стоять в шалаше, и стенки последнего не будут стеснять свободы его движений.

Впрочем, сказанное выше относится, главным образом, к охоте на перелетах уток вечером.

Отнюдь не следует гнаться за тем, чтобы встать обязательно на том месте, где жируют утки. Наоборот, следует этого избегать и становиться лишь на пути перелета уток на жировку, и притом по возможности дальше от самого места жировки. В противном случае после нескольких выстрелов по налетевшим уткам, утки будут избегать того места, откуда раздаются громоподобные удары ружья, где они видели человека, и охота не будет тогда удачной.

Места для устройства засады следует по возможности ежедневно менять, в особенности в начале лета, когда каждый день имеешь дело с одними и теми же местными утками. Позже, когда появится утка прилетная, можно с меньшим вниманием относиться к соблюдению этого правила.

Завидев налетающих уток, не следует, если движения охотника плохо скрыты от их взоров естественным или искусственным прикрытием, вскидывать ружье и вообще шевелиться до того момента, пока утки не будут находиться в пределах выстрела. В противном случае глаз утки, лучше примечающий какое бы то ни было движение, чем фигуру даже плохо замаскированного, но неподвижно стоящего человека, будут облетать охотника.

В пасмурную, дождливую, с сильным ветром погоду утки летят обычно ниже, чем в ясную и сухую, да и время самого перелета обычно более растягивается: в местах, где уток много, в такую погоду охоту можно производить почти весь день, в особенности если расставить чучела и посадить кряковых, при наличии которых охота и интереснее, и добычливее.

Впрочем, следует сказать, что поздним летом наличие подсадных и чучел вечером мало помогает делу. Иное дело утром, когда не только удается вдоволь настреляться по возвращающимся с ночной жировки благородным уткам, но и пострелять и по уткам нырковым, охотно идущим к чучелам, раскрашенным под родственные им виды уток. Однако, нырков пострелять удается лишь тогда, когда пункт для засады выбран в подходящем и для них месте.

Вообще успех охоты на уток на вечерних перелетах целиком зависит от удачного выбора места. А это может дать только знание повадок и привычек птицы, опыт, безукоризненное знание местности и умение ориентироваться в окружающей обстановке.

Никогда мне не забыть случая на такой охоте. Охотился я на одном из озер Лужского уезда Ленинградской губернии. Это большое озеро расположено среди громадных моховых болот, кое-где чередующихся с небольшими лесными островами. Вблизи озера ни хлебных полей, ни песчаных отмелей, ни других более или менее богатых пищей для прожорливых уток мест не было.

Озеро я знал, как своих пять пальцев, но тем не менее долго не мог понять, куда могут летать на кормежку утки, и каковы их перелетные пути. Так бы и остался я в уверенности, что правильных вечерних и утренних перелетов у уток на озере нет, и что они кормятся там же, где и проводят день, т.е., в плотной растительности, покрывающей берега и заводи озера, если бы не случай.

Ненастье пригнало меня вечером в поисках защиты от ветра и холода (дело происходило в начале сентября) с маленьких безлесных островков, которыми было богато озеро, и где я охотился, к берегу. Измокший чуть ли не до костей, измученный и продрогший, я брел зарослями хвоща к берегу, где высились гигантские ели (берега озера были опоясаны узкой полосой леса, а дальше начинались моховые болота, местами совершенно непроходимые), под защитой густых лап которых я мечтал развести костер, просушиться, обогреться и отдохнуть. Я был тяжело нагружен намокшим своим скарбом. Был близок уже желанный берег, как вдруг небольшая утиная стая, со свистом рассекая воздух, пронеслась над моей головой, поднялась над лесом и скрылась за вершинами деревьев. За первой стайкой последовала вторая, за второй третья...

Несмотря на темноту, я по звуку свиста крыльев определил, что это были стаи кряковых.

Сбросив свой багаж, я остановился и, наскоро устроив прикрытие, замер с ружьем в руках. Стая за стаей — исключительно кряковых уток — рвались на меня, и выстрел за выстрелом я посылал по тяжелым кряквам, смачно плюхающимся после удачного попадания на тинистый, болотистый берег. Лишь когда совсем стемнело, я пришел в себя и начат соображать, куда же летели эти утки. Утро, заставшее меня на том же месте сидящим под стогом накошенного еще в прошлом году хвоща, дало мне ответ на этот вопрос.

Стрелял я по откуда-то летящим кряковым стаям за утро много, и у всех уток, добытых мною, в желудках была набита... клюква! Оказывается, утки летали с удивительным постоянством, в чем я убедился позже, изрядно посыпав дробью берег озера в том месте, за лес, на моховое болото, богатое клюквой.

Вот этот да и целый ряд других менее ярких случаев убедили меня окончательно в том, что только от знания местных условий и от наблюдательности охотника зависят удачный выбор места для вечерней и утренней стойки, а, следовательно, и успех охоты.

Стрельба на вечерних и утренних перелетах, принимая во внимание, что охота эта производится в полумраке, и что утка на перелетах летит чрезвычайно быстро, весьма трудна, и я, пожалуй, более трудной, требующей огромного опыта, быстроты и навыка стрельбы не знаю ни по какой бы то ни было другой дичи даже в самых трудных условиях.

Как я уже говорил выше, очень часто утреннюю охоту на перелетах обычно совмещают с охотой по уткам с криковыми и чучелами.

Охота с подсадными и чучелами летом

Почему-то принято считать, что охотиться с чучелами, а в особенности с подсадными, можно лишь весной, и что этот способ охоты не приемлем летом и осенью. Это мнение ошибочно.

Чучела и подсадные могут применяться всегда, и интересность охоты и ее добычливость от этого только выигрывают. Очень редко, когда возможно обойтись без ущерба для результатов охоты без чучела и подсадных, но никогда их наличие не будет лишним или будет мешать охоте. Спешу оговориться, что, конечно, это справедливо только по отношению к охоте из шалаша, засидки и проч., и, само собой разумеется, неприложимо к какой либо ходовой охоте или к охоте с подъезда.

Если охота производится с чучелами и подсадными, то, само собой очевидно, следует для устройства береговой засады или зашалашения лодки выбирать не то место, над которым пролетают утки, возвращаясь утром с ночной жировки, а то, куда они возвращаются и где проводят день. При этом лучше всего остановить по возможности свой выбор на таком утином уголке, в котором, помимо уток благородных видов, могут встречаться и утки нырковые.

В таком месте охота будет идти значительно веселее. Иногда удается встать на утреннюю стойку или около берега, или около песчаного островка, отмели и проч. В этом случае, кроме утиных чучел и подсадных, полезно прихватить с собой и расставить с десяток профилей куликов.

Выставлять утиные чучела и подсадных на вечерней заре также можно, но по причинам, о которых я писал выше, малая продолжительность вечернего перелета и необходимость становиться только на пути перелета уток вынуждают обычно обходиться без них.

Летом, а также и в особенности осенью, чучел нужно выставлять больше, чем весной, и при наличии подсадной расставлять невдалеке от нее несколько штук чучел кряковых уток вместе с чирковыми. Не смешивая с ними, а, наоборот, несколько в стороне и на более глубоком месте, следует расставить нырковые чучела.

На берегу (если шалаш береговой или если стоит близь берега, островка и пр.) в шахматном порядке расставляются (втыкаются в землю на палочках) профили куликов.

Общие правила расстановки чучел и посадки криковых — те же, что и весной.

Не худо посадить сразу двух криковых, но так, чтобы они не видели одна другую. Поздней осенью, когда кряковые селезни оденутся в брачный наряд, можно выставлять в числе других и чучела крякового селезня. Для успешной охоты следует выставлять не менее 3-4 чучел крякв, штук 5-6 чирков, штуки 3-4 свиязи, шилохвости и т. д. и с десяток нырковых уток. Следует строго следить затем, чтобы чучела выставлялись только тех видов, которые уже появились или еще держатся в данной местности. Поэтому чучела чирков выставлять в то время, когда чирки уже исчезли из данной местности, не только бесполезно, но даже и вредно. Я по крайней мере, несколько таких случаев знаю. То же самое и с чучелами других видов уток.

Приведенные здесь все количества чучел, конечно, не обязательны, и я указываю на них, как на средние. Само собой разумеется, что можно охотиться и с меньшим числом чучел, и с гораздо большим...

Манка уток голосом, как и весной, множит количество птицы, которая будет подсаживаться к чучелам, да и самую охоту делает более интересной.

Шалашиться летом и осенью гораздо удобнее и скорее, чем верной. К услугам и трава, и камыш, и тростник, и одетые зеленой или уже поблекшей листвой кустарники. Помимо этого въехав на лодке в густой куст камыша, шалашиться почти не приходиться: плотная стена растительности услужливо скроет даже большую лодку, и охотнику придется подумать только о прикрытии сверху и о еще большем уплотнении стенок шалаша.

Следует посоветовать летом, осенью стрелять уток на чучела не сидячими, как весной, а, главным образом, в лет и лучше всего в тот момент их полета, когда они, расправив крылья и вытянув вперед лапки, садятся к чучелам или к ним снижаются. Правда, такая стрельба труднее, чем стрельба но сидячей птице, но зато, стреляя преимущественно в лет, и возьмешь больше, так как далеко не всякая утка, свернувшая к чучелам, к ним обязательно подсядет. Кроме того, стрельба в лет гораздо интереснее.

Это обстоятельство следует иметь в виду и при устройстве шалаша или иной засады, и делать их так, чтобы можно было совершенно свободно, без всяких препятствий, стрелять в лет по налетающим или по пролетающим мимо уткам.

Так как большинство уток, в особенности нырковых, поднимаются с воды против ветра, то рекомендуется становиться по возможности так, чтобы, севшие к чучелам или даже вдали от них утки, поднимаясь с воды, приближались бы к охотнику, а не наоборот. Для этого нужно становиться спиной к ветру. Стрелять, конечно, будет удобнее, но зато почти за каждой убитой уткой придется выезжать или выходить, иначе ее унесет волной. Что выбрать, — сказать трудно. Это дело вкуса охотника.

Охота начинается еще в полной темноте, когда начнут возвращаться с жировки первые стайки уток. На лету, в особенности на зорю, утки еще более или менее видны, но стоит им только сесть, даже среди чучел, чтобы они исчезли из глаз. Слышишь, как они сели, слышишь, как они плещутся в воде, но как ни всматриваешься, — ничего не видишь. Посидев среди чучел, утки или отплывают потихоньку, или вдруг поднимаются и стремительно улетают. Выстрелить по ним так и не удается, а, между тем, если бы не пропустить момента их подлета, то утка, а при удаче и больше, могла бы быть взята.

Поэтому я советую обязательно стрелять по таким уткам в лет, или же, если они сели, то твердо помнить, как количество, так и расположение чучел и криковых, чтобы не дать выстрела впустую по чучелу или — еще хуже — по подсадной.

Охота продолжается долго — до 8-10 часов утра, а поздней осенью и в пасмурные дни и позднее. Иногда указанным способом можно стрелять уток целый день — от зари до зари.

Как я уже писал выше, стрелять уток лучше всего в тот момент, когда они сворачивают к чучелам. Обычно это не всегда возможно. Часто приходится их стрелять и сидячими, и на подъеме. Следует иметь в виду, что если к чучелам подсели нырковые утки, то после выстрела, или даже двух по ним, необходимо тотчас же перезарядить ружье: часто случается, что из подсевшей стайки нырков еще до первого выстрела часть уток ныряет и появится над водой только после того, как часть их товарищей осталась убитыми на месте, а остальная часть улетела. Соблюдая указанное правило, мне неоднократно удавалось из одного и того же табуна нырков брать двумя дуплетами четырех и более уток.

Как узнать, сядут ли утки к чучелам или нет, т. е., облетят их, сказать трудно. Обычно утки сворачивают и начинают снижаться к чучелам еще издали. Такие утки по всей вероятности сядут к чучелам. Но, бывает, не всегда. Очень часто, снизившись к чучелам, утки проносятся над ними и исчезают. Кроме того, в разных местностях, в зависимости от почти бесконечного количества условий, и в разное время года утки ведут себя поразному, и только огромный опыт охотника и его наблюдательность смогут сказать ему почти наверняка, сядут ли утки к чучелам или нет.

Даже простенький, всегда компанейский и разговорчивый чиренок — и тот далеко не всегда садится к чучелам, и далеко не всегда по его поведению можно определить, сядет ли он наверное или, может быть, и не сядет. И уж несравненно хуже ведут себя другие виды уток, — в особенности свиязь и гоголь. Первая вообще крайне редко подсаживается к чучелам, хотя и сворачивает обычно к ним. Поэтому ее всегда нужно стрелять, не дожидаясь и не надеясь, что она сядет, т. е., в лет. Гоголь же ведет себя совсем неопределенно. Бывает часто, что, пролетая низко над водой, он, завидев чучела, с

видимой охотой к ним сворачивает и снижается еще больше. Видишь уже, как он высовывает вперед свои лапки... Вот-вот сядет... Л он низко, чуть ли не задев крыльями за чучела, без всякой видимой причины спокойно пролетает над ними и пропадает из глаз. Бывает и наоборот: высоко, далеко за пределами выстрела, над чучелами летит гоголь. Его не ждешь... И вдруг он мгновенно прерывает свой стремительный полет, камнем падает вниз и спокойно садится среди чучел...

Но, помимо знания повадок птицы в данной местности и в данное время, существует еще целый ряд причин, от которых зависит, сядет ли утка к чучелам или нет. Достаточно волне неосторожно качнуть чучело, достаточно пошевелиться не во время в челне и зашатать стенки шалаша и т. д., как садящиеся — кажется — к чучелам утки, вдруг шарахнутся в сторону и улетают.

Поэтому мой совет, — всегда стрелять уток при охоте с чучелами и подсадными летом и осенью в лет, не дожидаясь их посадки на воду.

Исключение из этого правила следует допускать только тогда, когда охотник был лишен физической возможности произвести выстрел по налетающей птице, или же когда утки сели вдали и постепенно подплывают к чучелам. Тут уже делать нечего: приходится давать выстрел по сидячей утке, не забывая, однако, возможности произвести и второй выстрел по ним на подъеме.

Ранним летом, когда утки еще держатся выводками, а также поздней осенью, когда утки уже собираются в стаи для отлета на юг, можно с большим успехом надеяться, что одиночные или маленькие стайки их подсядут к чучелам, и с большим вероятием об этом судить по их поведению еще на полете.

Осень

Осенью приходится на охоте по уткам применять почти те же приемы, как и летом. Продолжается еще стрельба на утренних и вечерних перелетах, усиленно применяются на утренних стойках чучела и подсадные...

Но уже редко, редко удается пострелять уток с подхода или с подъезда на вылетку. Лишь при крайне благоприятных условиях погоды, — сильный ветер, дождь и прочее, — или же попав в такие места, где утка никем и ничем не напугана и почти не видала человека, иногда удается поохотиться таким образом. В таких местностях эти охоты возможны чуть ли не до момента отлета уток на юг, хотя птица все же гораздо строже, чем летом, и стрелять ее приходится на сравнительно больших расстояниях, что и необходимо учитывать, в смысле выбора соответствующего, более крупного номера дроби, чем летом, и специальной пристрелки ружья для получения возможно более резкого боя.

Я не буду вновь описывать наиболее применяемые осенью способы охоты на уток с чучелами, с подсадными из засады и шалаша и на перелетах: эти охоты почти ничем не отличаются от таких же охот в летних условиях, разве что на вечерних перелетах осенью стрелять приходится уже в полной темноте, а с чучелами и подсадными из засады шалашиться становится труднее, так как блекнет камыш, осыпается листва, желтеет и пригибается трава...

Охота на утренних сидках

Выше я уже указывал, что утка перед отлетом сбивается в большие стаи и в течение довольно продолжительного времени (продолжительность зависит, главным образом, от погоды) проводит весь день вместе, а с наступлением темноты всей стаей улетает на жировку с тем, чтобы на утро вновь возвратиться на излюбленные места дневки и вновь сбиться в огромный табун. Как я уже говорил, отлет такой стаи уток на жировку с места их дневного пребывания совершается, как правило, одновременно всей стаей, а возвращение, — наоборот, — происходит небольшими стайками и нередко тянется в продолжение нескольких часов.

На этом обыкновении уток (главным образом, кряковых, о которых я ниже и буду говорить) и основана осенняя охота на утренней сидке.

Возможна она лишь в таких местах, где утку мало тревожат и позволяют ей собраться в большие стаи.

Главная задача охотника — по возможности точно установить где собравшиеся для отлета на юг огромные табуны кряковых проводят обыкновенно день. Для этого еще задолго до заката нужно подъехать без всякого шума и, конечно, стрельбы к тому месту, в котором можно ожидать скопления уток.

Подобравшись возможно ближе, нужно спрятаться куда-либо, сидеть и ждать.

С наступлением вечерней зари начнется оживление среди уток. То та, то другая утка, одиночками и парами, тройками и маленькими табунками, будут пролетать мимо охотника. Но стрелять по ним, как бы ни соблазнительно это было, нельзя ни в коем случае не только неосторожным выстрелом, но даже и менее значительным шумом можно испортить всю утреннюю охоту. Наконец, с шумом, указывающим на место подъема, снимутся утки огромной стаей, полетят куда-то на кормежку. Часто бывает, что за первой стаей подымится вторая, третья и потянутся вслед за первой.

Тут уж терять времени нечего, — нужно торопиться. Необходимо как можно скорее — по возможности еще до наступления темноты — добраться до того места, где взлетали стаи. Правда, это не всегда удается сделать до темноты, так как утиные стаи обычно проводят день в очень крепких местах, куда пробраться на лодке (а без нее на этой охоте обойтись почти невозможно) очень не легко. Фонарь обязательно должен быть с собой на этот случай, так как в наступившей темноте не только найти место, где сидели утки, но и вообще пробираться вперед бывает очень трудно. Советуется при взлете стаи возможно точнее определять место, где они сидели, пользуясь при этом всякими заметными вехами — отдельными деревьями и проч., по которым и в темноте можно было бы ориентироваться.

По множеству пера, пуха, примятой травы, утиных следов и помета — желанное место, наконец, отыскивается. Здесь и нужно остановиться, встать по возможности лицом к восходу и зашалашиться с возможной тщательностью. Тут же в лодке, уже зашалашенной, и придется ночевать.

Осенние ночи, в особенности в болотах и вообще на открытых местах, холодны и часто сопровождаются заморозками. Поэтому следует с особой обязательно брать теплую одежду, валенки и проч. Незаменимую помощь окажет примус.

Не бесполезно будет расставить еще с вечера чучела, а перед началом лета уток выпустить криковую. Но если стая была велика, и место выбрано удачно, то это не так уж необходимо: все равно утки будут возвращаться на насиженное, излюбленное место привольной и безопасной дневки.

Лет уток, т. е., возвращение их с жировки к месту дневного пребывания, начинается еще в темноте, и поэтому этого момента не следует пропускать. Стрелять приходится, если не хочешь зря пропускать уток, главным образом, в лет.

При этом следует иметь в виду, что утки в этот период чрезвычайно крепки на рану, и мелкой дробью их стрелять не советуется, несмотря на то, что стрелять обычно приходится на небольших расстояниях. На этой охоте, когда не только невозможно выезжать за каждой убитой уткой, но и просто заметить место ее падения, очень важно не только свалить утку, но и убить ее мертво, так как иначе каждый подранок будет уходить.

В целях облегчения отыскивания по окончании охоты уток, следует считать количество упавших уток: это значительно облегчит их собирание днем.

Тем не менее, несмотря даже на точный счет упавших уток, заранее следует примириться с тем, что часть убитых уток будет не найдена. Незаменимую помощь в деле собирания уток окажет хорошая утиная собака, если, конечно, она в состоянии будет ходить, плавать и пробираться по болоту, так как, повторяю, для дневки утиные стаи обычно выбирают очень крепкие места, допускающие передвижение — и то с трудом — только на легкой лодке.

Стрельба на утренних сидках чрезвычайно трудна, добраться до нужного места нелегко, отыскать это место в темноте — весьма не просто, но зато какое наслаждение получаешь, стреляя по богато одетой тяжеловесной крякве, то и дело, несмотря на выстрелы, налетающей на охотника!..

При опытности, знании мест, настойчивости, терпении и хорошей стрельбе охотника при благоприятных условиях можно сделать за утро до 200-300 выстрелов и взять до 70-100 кряковых.

Охота на пролетных путях

С начала сентября постепенно начинается перелет уток с севера на юг. Первыми обычно начинают отлетать чирки-трескунки и лопоноска; за ними идут чирки-свистунки, шилохвость и др. Последними из благородных уток отлетают кряковые. С конца сентября начинается отлет и пролет нырковых уток.

Перелеты свои утки производят стаями и приблизительно по одним и тем же путям. Утки идут то очень высоко, то снижаясь над землей и водой на выстрел. Валовой пролет уток обычно начинается с первыми морозами, — для средней полосы, примерно, в конце сентября.

На обыкновении утиных пролетных стай лететь одними и теми же дорогами и основана стрельба уток на пролетных путях.

Для этого прежде всего необходимо определить, где летят стаи, и где они наиболее снижаются над землей и водой. Наблюдение и знание местности (пролетные пути обычно одни и те же из года в год) укажут нужное место. В этом месте и нужно устроить засаду.

Очень часто стаи над водой или низким берегом идут вне выстрела, и засаду приходится устраивать сравнительно далеко от воды, на каком либо пригорке, береговом обрыве и проч.

Пролетную стаю, — конечно, если она идет пролетом, а не перелетает в поисках кормовых мест во время остановки в пути, — трудно, если не совершенно невозможно, заставить снизиться и сесть. Поэтому, если приходится рассчитывать только на пролетные стаи, прибегать к расстановке чучел и подпуску криковых нет смысла. Но если засада устраивается в таком месте, где, помимо пролетных стай, на охотника налетают одиночками, парами и маленькими табунками утки, еще держащиеся или сделавшие остановку для кормежки в данной местности, то расставить чучела и выпустить подсадных все же следует.

Стрелять по пролетным стаям приходится почти исключительно в лет и обычно на больших расстояниях. Поэтому нужно стрелять крупной дробью и из сильного по бою ружья.

Незаменимым оружием для стрельбы по такого рода стаям являются тяжелые крупнокалиберные уточницы.

Охота с подъезда и с подхода осенью

Пролетные стаи уток, в особенности нырковых, держатся не в траве, а на открытой воде. Лишь сильная волна прибивает их к берегу и заставляет искать убежища от ветра в жалких остатках камыша и тростника.

Точно так же ведут себя и стаи местной нырковой утки, собравшейся для отлета.

Пострелять их на чучела можно только на утренней заре и иногда, при благоприятных условиях, — днем.

Но нырковые утки, в особенности утки пролетные, не знающие почти человека и не боящиеся его, очень часто, в особенности в первые дни по прилете, свободно подпускают к себе на выстрел лодку. Если же поверхность того или иного водоема, где держатся утки, часто бороздится рыбачьими лодками, то утки настолько к ним привыкают и перестают их бояться, что часто удается, при известном умении, подъезжать на лодке на выстрел к огромной стае пролетной и даже местной утки. К стайкам маленьким или одиночным уткам подъезд удается почти всегда.

В зависимости от характера местности, от строгости уток и от того, имеются ли в данном озере, реке и проч. рыбаки, подъезд нужно совершать по-разному. Точных

указаний для каждого возможного случая в коротких словах дать невозможно. Поэтому остается ограничиться лишь следующими общими советами.

Лодка для подъезда должна сидеть невысоко над водой и быть окрашенной под цвет воды. Иногда приходится лодку маскировать, придавая ей вид куста, камыша, кустарника, стога сена и проч. Никогда не следует, подъезжая к уткам, держать курс лодки прямо на них. Лучше всего стараться подъехать к ним на выстрел, как бы проезжая мимо. Иногда приходится подъезжать к ним, делая круги, зигзаги, отдаляясь и снова приближаясь к ним, и т. д. Если утка привыкла к рыбачьим лодкам, нужно по возможности стремиться подражать их поведению на воде, т. е., подъезжать к уткам не сразу, а задерживаясь на месте, кружась и проч.

Следует по возможности всегда подъезжать к уткам по ветру, т. к., если утка строга и не подпустит к себе лодку на выстрел, то поднимаясь с воды (почти всегда против ветра), утки будут приближаться к охотнику. Таким образом, часто не подпустив лодку на выстрел, они на подъеме, приближаясь к лодке, идущей к ним по ветру, все-таки попадут под выстрел.

Если утка одна, или их немного, можно с успехом применять следующий способ подъезда: приблизившись к уткам на 100-120 шагов, следует остановиться и выждать того момента, когда утка (если она одна) или несколько уток из стаи нырнут. После этого следует с возможной быстротой гнать челн прямо по направлению к уткам. Пусть улетят те, которые остались над поверхностью воды — это не важно. Нырнувшие появятся над водой уже тогда, когда охотник будет от них на выстрел.

Иногда при благоприятном ветре очень удачно можно поохотиться на нырковых уток, подъезжая к ним на лодке или челне под парусом. Особенно удачной такая охота бывает, — впрочем, точно также, как и всякая охота с подъезда, — когда в лодке находится не один, а два человека. Одному трудно управиться с парусом (или веслами), в то же время находясь все время в готовности выпустить выстрел.

Под парусом на водоемах, где часто появляются ходящие под парусами лодки рыбаков, и утка их не боится, охота бывает и чрезвычайно интересной, и добычливой, не требуя в то же время от охотника затрата большого количества сил.

Лучше всего стрелять нырковых уток не сидячими, а на подъеме, т. е., в тот момент, когда они отделяются от воды. Нырковые утки, — а по ним, главным образом, производится стрельба с подъезда, — осенью чрезвычайно жиреют и подымаются с воды крайне тяжело, долго бороздя на подъеме своим брюшком воду. Выстрел по поднимающимся уткам обычно приходится производить в угон по медленно движущейся цели, и при известном навыке он чрезвычайно легок.

Иное дело — стрельба по сидячим на воде нырковым уткам. Утка лишь немного выдается над водой. Перо ее плотно прижато к телу, и на выстрел она невероятно крепка: убить ее плавающей на воде, даже при стрельбе на небольшом расстоянии, не так-то легко, как это кажется...

При охоте с подъезда очень часто приходится стрелять по пролетающим стаям уток. Стрельба эта чрезвычайно трудна и требует громадного опыта и скорости, иначе заряд постоянно будет обзаживать стаю. Следует также всегда помнить, что необходимо

выцеливать обязательно какую-нибудь отдельную утку в стае, а не стрелять, целя прямо в стаю. В противном случае промахи будут неизбежны.

Большинству охотников, мало знакомых с условиями стрельбы осенью по нырковым уткам, могут показаться мои указания на трудность стрельбы нырков сидячими и пролетающими мимо — по меньшей мере сильно преувеличенными. Охотники, судящие вообще по стрельбе на вылетку летом, во всяким случае не поверят моим словам и ни в коем случае не согласятся в том, что стрельба на совершенно открытом месте по стаям пролетающих в 20-25 шагах от лодки нырков несравненно труднее, чем стрельба строгого и проворного августовского бекаса или гаршнепа в сильный ветер.

А, между тем, это так!

По этому поводу не могу не вспомнить одного случая, происшедшего со мной на охоте по нырковым уткам осенью свыше пятнадцати лет тому назад.

В начале октября (по ст. стилю) в разгар пролета морянок (сауков), я приехал на охоту в одно местечко, расположенное верстах в 60 от Ленинграда по Финскому заливу.

Саук, как и другие нырковые утки, прилетающие к нам из малонаселенных местностей севера, в первые дни своего прилета (саук обычно задерживается на Финском заливе несколько недель) ведет себя чрезвычайно дерзко; огромная стая, совершенно игнорируя присутствие человека, свободно подпускает к себе лодку на 15-20 шагов! Или, ничего не стесняясь, проносится над самой лодкой, просвистев крыльями, одиночный саук и спокойно усаживается чуть ли не под самый ее нос!..

Я попал — и притом впервые — именно в такую обстановку.

За первый день охоты я сделал более 60 выстрелов, и из них не менее 40 выстрелов по сидячим саукам. Результаты же охоты были плачевные — 2 саука! Один, вышибленный в лет из стаи, пролетавшей мимо, а второй — подбитый сидячим. И на то, чтобы его окончательно застрелить и заполучить в лодку, мне понадобилось еще произвести семнадцать выстрелов!..

Хотя в то время я стрелял весьма посредственно, но все же не так, чтобы быть в восторге от таких результатов... Опытного же охотника со мной не было, — и я готов был плакать от своей скверной стрельбы ...

Случай, — неизбежный наш учитель и постоянный то счастливый, то несчастливый спутник на охоте, — помог мне уяснить, в чем же дело.

На следующий день с утра охота началась при том же презрительном отношении к моей персоне сауков и с теми же плачевными результатами моей стрельбы. Пробовал я стрелять и по плавающим на воде, и по пролетающим мимо меня саукам, — все тщетно.

Наконец, отчаявшись, я стал стрелять небрежно и совершенно перестал тщательно выцеливать...

Налетел саук. Я вскинул ружье. За пуговицу полушубка, — было уже холодно, у берегов был лед, — зацепился погон, и ружье свалилось на сторону: я видел отчетливо, что мушка чуть ли не на сажень опередила пролетающего мимо меня саука.

И, — о, чудо! — вслед за выстрелом (я уже не мог удержаться от нажатия гашетки, хотя и был убежден, что выстрел производится напрасно) саук вдруг свернулся в воздухе и, срывая своей тушкой гребень за гребнем набегающих волн, мертво убитый свалился в воду. В начале я остолбенел, а потом понял, в чем заключается дело. Попробовал опередить мушкой налетающих уток на 2-2,5 аршина, и результаты стрельбы резко изменились к лучшему: на 10 выстрелов четыре саука очутились в лодке!

Тот же случай надоумил меня стрелять по саукам не сидячим, а на подъеме, и тогда непонятная для меня крепость саука к выстрелу (на свое ружье я надеялся) окончательно рассеялась.

К концу охоты у меня остались только патроны, заряженные шестым номером дроби. Пользуясь ими и стреляя сауков на подъеме, я тем не менее не жаловался на неудачу: те же сауки, которых я не мог убить сидячими, стреляя дробью 5/0, на тех же самых расстояниях валились мертвыми от шестого номера!...

Поэтому мой совет охотникам, впервые попадающим на охоту по нырковым уткам осенью с подъезда, стрелять их, главным образом, на подъеме мелкой дробью, а по пролетающим мимо обязательно брать аршина на 2-3 (в зависимости от расстояния, на котором от охотника пролетает утка) вперед. Некоторая опытность и наблюдение за тем, как ложится дробь (а это легко видеть, стреляя по уткам, летающим низко над водой), укажут, что мой совет правилен.

При охоте с подъезда по благородным уткам, в особенности кряковым, — что удается весьма редко, — напротив: мой совет — стрелять их по возможности всегда сидячими, и только второй выстрел производить в лет. Кряква осенью чрезвычайно строга и близко к себе лодку не подпустит. Подымается она с чистой воды совершенно неожиданно для подъезжающего к ней охотника всей стаей, точно по команде, и резким прыжком вееру. Если пропустить тот краткий момент, когда ее полет переходит из вертикального в горизонтальный — а это легко сделать, вследствие неожиданности и стремительности ее взлета — то выстрел окажется сделанным впустую.

Охота с подхода по стаям осенних уток мало чем отличается от охоты с подъезда, только условия ее обычно более тяжелы. Уток высматривают издали и приближаются к ним, прикрываясь береговой растительностью: кустами, травой и проч. Подбираться приходится часто на коленях и даже на животе. Нередко удается подбежать к нырковым уткам, плавающим около берега, на выстрел в то время, когда они, нырнув, находятся под водой.

Иногда можно подобраться к утиной стае, сидящей на воде или даже на земле, закрываясь пасущейся лошадью или коровой.

Или же можно подкрасться к утиной стае на выстрел, замаскировав свое тело травой, кустарником и т. п. Точно таким же образом нарядившись, можно и подкарауливать уток на местах их излюбленных остановок и кормежки.

Так как осенью приходится при охоте с подъезда или с подхода иметь дело, главным образом, с утиным стаями, то особенно применимым для этой охоты оружием являются уточницы.

Охота с уточницами

Уточницы применяются как для охоты с подъезда и с подхода, так и для охоты из шалаша на пролетных путях.

Уточницы — тяжелые, дальнобойные и крупнокалиберные ружья.

Принимая огромные заряды пороха и дроби, уточницы имеют громадный убойный круг, и из них, с полной уверенностью в успехе, можно стрелять на расстоянии до 100 и даже до 150 шагов.

Само собой разумеется, что стрелять по одиночной утке из такого ружья-пушки (калибр их доходит до 2-х дюймов в поперечнике, а вес до пуда и более) нет никакого смысла. Поэтому обычно стрельба из уточниц производится по стаям уток, которые, при известной сноровке, на расстояние, посильное уточнице, обыкновенно подпускают охотника. Из уточниц стреляют, как по сидячей птице, так и по стае на подъеме и даже по пролетающей мимо стае.

Ружья эти делаются и одноствольными, и двуствольными. Уточницы сравнительно небольших (4-6-8-10) калибров и веса (до 15-18 фунтов) употребляются при стрельбе уток на пролетных путях и с подъезда, как обычное ружье, т. е., прицеливаются из них и стреляют, как из нормального дробовика, прикладывая ружье к плечу.

Для стрельбы же из уточниц более крупных калибров, чудовищный вес и отдача которых делают пользование этими ружьями обычным способом невозможным, — применяются особые приспособления, смягчающие отдачу, — пружинный приклад и прочее, — а уточницы самых крупных калибров даже просто прикрепляются к лодке (из которой обычно и производится стрельба) на особого рода лафетах.

В качестве подсобного ружья, при охоте с уточницей следует иметь обычный дробовик для дострелки подранков, выстрелов по одиночным уткам и т. п.

Охота с уточницей у нас в СССР распространена очень мало, в особенности с уточницами казнозарядными и крупных калибров. Лишь кое-где в Поморье, на Каспии и по р. Оби на Тобольском Севере уточницы, — обычно калибра 8 или 10. одноствольные и шомпольные, — применяются для стрельбы уток и гусей из засады или скрадом и притом, главным образом, сидячих. Поэтому подробно останавливаться на этом способе охоты не приходится...

Но заграницей, надо сказать, в особенности на океанских побережьях Англии и Франции, охота с крупнокалиберными уточницами давно уже завоевала себе почетное положение, и описание этого рода охоты, приспособлений к ней и особого устройства лодок нашли свое отражение в богатой иностранной охотничьей литературе.

И нет сомнений в том, что уточницы крупных калибров со временем привьются и у нас и окажутся незаменимыми для стрельбы по утиным стаям осенью на таких расстояниях, когда стрелять уток из обычного дробовика не представляется возможным.

ГЛАВА II. Стрельба уток

Нет более легкой и в то же время более трудной стрельбы, чем стрельба по уткам. Это кажущееся противоречие объясняется не только тем, что существует много видов уток, но и, главным образом, тем, что утка даже одного и того же вида, в зависимости от времени года и дня, местности, цели своего передвижения и прочее и прочее, — создает на полете разнообразные условия стрельбы. С одной стороны, например, нельзя представить себе более легкого, пожалуй, выстрела, чем выстрел по медленно и тяжело поднимающейся из травы под самым челном разморенной летней жарой крякве. Полет ее крайне медленен, стрельба производится накоротке, цель — велика, и пропуделять по такой утке мудрено.

С другой стороны, та же кряква, стремительно рассекающая воздух в сумерках догорающего дня или утренней зари, представляет уже нечто совсем другое по трудности выстрела. Убить такую крякву очень нелегко, и даже опытный и хороший стрелок едва ли сможет поручиться, что из сотни налетевших в указанных условиях кряковых он сумеет свалить половину.

Убить чиренка, порхающего над камышами, словно бабочка, в поисках кормового места или компании, — дело не хитрое. Но убить чиренка, пулей проносящегося над головой охотника при охоте на пролетных утиных путях, — дело совсем иное!..

Еще резче сказывается разница в условиях стрельбы на охоте по нырковым уткам. Как не взять медленно бороздящего на подъеме своим брюшком поверхность воды гоголя или саука? Но попробуйте взять этого же гоголя или саука, когда он, поднявшись где-то вдали, проносится низко над водой с невероятной скоростью в двадцати-двадцати пяти шагах от лодки!.. И вы увидите, что эта стрельба совсем иного — по трудности — порядка.

Таких примером можно бы было привести бесконечное множество, но и указанных, кажется, достаточно для того, чтобы каждый охотник, пострелявший уток в самых разнообразных условиях, согласился бы с высказанным в начале настоящей главы положением.

Итак, полет уток крайне неодинаков; обстановка, в которой приходится по ним стрелять, также разнохарактерна; поэтому и стрельба по ним крайне разнообразна: от самой простой и легкой — до самой трудной, какую только знает вообще искусство стрельбы из дробового оружия.

Большинство охотников, стрелявших уток только случайно или, главным образом, летом на вылетку с подхода или с подъезда, считают стрельбу по уткам легкой вообще. Но они, конечно, не правы.

Этот же охотник, — прекрасно стреляющий летом уток на вылетку, с успехом бьющий из под легавой бекаса и тетерева, — попав в первый раз на утреннюю или вечернюю стойку поздней осенью или на охоту по пролетным утиным стаям, несомненно будет несказанно удивлен тем, что после большинства его выстрелов утки будут улетать невредимыми.

Так было в свое время со мной, так было и со многими моими знакомыми охотниками, хотя и владевшими искусством стрельбы куда лучше пишущего эти строки, но тем не менее позорно пуделявшими по уткам на таких охотах, где изумительная скорость полета и самые условия охоты делают стрельбу более, чем трудной. Тщетно и я, и они—в свое время — осматривали стволы ружей, проверяли правильность снарядки патронов... Дело не в ружье, не в патронах, а в неумении самих охотников стрелять, и притом не стрелять вообще, а именно стрелять по уткам, полет которых, а, следовательно, и трудность или легкость стрельбы, разнообразны почти до бесконечности.

Только опыт, тщательное взвешивание скорости полета той или иной утки в тех или иных условиях и уменье приспособиться к условиям самой стрельбы могут помочь в той или иной степени научиться стрелять по уткам.

Большинство охотников подчас и понятия не имеют о скорости, которую иногда развивают утки в воздухе! Нет смысла указывать цифры этой скорости полета — до того они баснословно велики. Но охотник должен твердо помнить, что иногда эта скорость настолько огромна что сравнивать ее со скоростью передвижения в воздухе тощего июльского бекаса или тетерева — ни в коем случае нельзя. Это было бы все равно, что сравнивать скорость гоночного автомобиля и тяжелой телеги, запряженной парой неповоротливых быков.

Стрельбе вообще, в особенности стрельбе в лет, учить кого-либо очень трудно. Я далек от этой мысли. Но тем не менее дать хотя бы краткие, чисто практические, указания о стрельбе уток, сильно отличающейся по условиям от стрельбы на лету остальной дичи, я все же хочу. И, может быть, данные ниже беглые коротенькие указания будут приняты во внимание не только одними начинающими охотниками, но и охотниками опытными вообще, но впервые попадающими на хорошую утиную охоту.

Прежде всего несколько слов о стрельбе уток сидячих.

Утку, сидящую на воде, т. е. плавающую, опытные охотники советуют всегда стрелять, целясь несколько под утку, т. е., в центр той линии, которая образуется соприкосновением тушки птицы с поверхностью воды.

Утку, сидящую на берегу, на камне и проч., следует стрелять, целясь в центр ее тушки.

Следует иметь в виду, что сидящая, а в особенности плавающая на воде утка несомненно гораздо менее уязвима для дроби, чем утка на лету, хотя бы и стреляли их на одном и том же расстоянии. У сидячей утки перо плотно прилегает к телу и вместе с пухом создает довольно солидный панцирь. Помимо этого, плавающая (а отчасти и сидящая на берегу и т. п.) утка представляет собой несравненно меньшую цель, чем утка летяшая.

В особенности крепки на рану плавающие на воде нырковые утки.

Вследствие указанного, необходимо избегать стрельбы в сидячих уток на больших, близких к предельному бою ружья, расстояниях.

Весной и поздней осенью утка прекрасно одета и поэтому более крепка на рану, чем летом.

Следует иметь в виду, что лучше всего стрелять утку не в грудь, а в спину или в бок. В этом случае перо и пух не так защищают птицу от дроби, как тогда, когда выстрел производится в грудь птицы.

Вообще необходимо по возможности избегать стрельбы уток на больших расстояниях, что называется "на ура", в надежде на шальную дробину. В этом случае, а в особенности при стрельбе не по одиночной птице, а по стайке уток, гораздо больше получишь подранков и чистых пуделей, чем убъешь мертво. Утка очень редко когда показывает, т. е. дает возможность определить по своему поведению, что она ранена (если, конечно, не перебито крыло). Наоборот, даже смертельно раненая утка часто улетает, как здоровая, а затем уже отлетев на большое расстояние и обычно скрывшись с глаз охотника, падает мертвой.

Осенью стрелять нырковых уток с подъезда я советовал бы не сидячими, а на подъеме. Выстрел по тяжело поднимающимся своды против ветра ныркам очень легок, и утка при удачном выстреле обычно бьется чисто. При стрельбе же нырков сидячими — обычны подранки и связанная с этим мало интересная погоня за ныряющей раненой уткой и часто продолжительная стрельба по ней.

Также не советовал бы я долго медлить со стрельбой по севшим к чучелам уткам осенью, в особенности гоголям. Промедлишь иногда с минуту и только что поднимешь ружье к плечу, как все утки точно по команде и без всякой видимой причины вдруг свечкой подымятся на воздух и улетят. Или же нырнут, чтобы уже вынырнуть и затем улететь за пределами выстрела.

Теперь нужно сказать немного подробнее о стрельбе уток на лету.

Вряд ли может быть оспариваемо то положение, что, стреляя какую бы то ни было птицу на лету, необходимо целиться не в самую птицу, а несколько вперед ее. Объяснить это очень просто. Между моментом нажатия на спусковой крючок ружья и тем моментом, когда дробь долетит до того места, где находится цель (т. е. в данном случае — летящая птица), проходит некоторый промежуток времени.

Происходит это потому, что на падение курка, удар бойка по пистону, взрыв пистона, воспламенение порохового заряда, передвижение снаряда по стволу и, наконец, полет дроби от дула ружья до местонахождения цели требуется некоторое, хотя и небольшое, количество времени. Если цель неподвижна, то этот промежуток времени не играет никакой роли. Если же цель передвигается, то это уже очень существенно.

Даже если мы отбросим то время, которое затрачивается на воспламенение пороха и на передвижение снаряда в стволе, и будем всегда иметь в виду, что охотник не сводит дула ружья с цели до момента вылета дроби из ствола, т.е., ведет стволами ружья за птицей, — то все же мы увидим, что тот ничтожный и трудно, казалось бы, измеряемый промежуток времени, который требуется на полет дроби от дула до цели, все-таки решающим образом сказывается на результатах выстрела, т. е., на попадании дроби в движущуюся цель.

Само собой понятно, что чем больше расстоянии от дула до цели, тем больше и этот промежуток времени.

Таким образом, при медленном передвижении цели заряд будет приходить в цель несколько позднее, чем нужно, и поэтому в цель будет попадать не центр заряда, а только его край. Если цель перемещается очень быстро, то заряд ружья, точно направленного в

цель, будет вовсе не попадать в нее, так как он будет приходить уже тогда, когда быстро передвигающаяся цель успела выйти из предела убойного круга ружья.

Таким образом, вполне ясно, что чем больше расстояние от дула ружья до цели, и чем скорее перемещается цель, тем больше приходится брать перед целью для того, чтобы попасть в нее центром заряда.

При обычной стрельбе птиц на лету, вследствие порядочного убойного круга ружья, вполне достаточно целиться в переднюю часть птицы, — и она не минует заряда. Даже вальдшнепа на тяге — и того достаточно выцеливать в клюв, чтобы попадать в тушку центром заряда.

Но не то на охоте по уткам. Скорость передвижения уток в воздухе такова, что часто выцеливания их только в голову бывает недостаточно, и заряд в этом случае будет неизбежно обзаживать, а утка — улетать невредимой. Все зависит от скорости полета утки и от расстояния, на котором она летит от охотника.

Вот этим-то и объясняется трудность стрельбы по уткам вообще, так как прежде, чем выстрелить, охотник должен определить: как скоро летит утка, и на каком от него расстоянии она летит. Вода, сумерки и проч. иногда скрадывают расстояние, иногда чрезмерно его увеличивают. Скорость же полета — даже одних и тех же уток и в один и тот же день — разнообразна.

Иногда достаточно выцелить утку только в голову, и она падает. Иногда же берешь на два аршина перед ней и отчетливо видишь, как дробь ударила по воде на аршин сзади утки.

Поэтому-то утиная стрельба и трудна, и поэтому-то указать на словах, как и когда нужно брать вперед утки, — невозможно.

Только опыт и, как результат его, навык и сноровка помогут охотнику в любой момент и в любых условиях в десятую долю секунды, почти машинально, взвесить, как скоро летит утка, и на каком расстоянии производится по ней выстрел, и уверенно и сознательно, взяв нужного «переда», послать снаряд дроби.

Можно только дать следующие, весьма общие и весьма приблизительные указания.

Летом при охоте на вылетку и при стрельбе по подлетающим к чучелам и подсадной уткам следует целить в голову птицы.

Осенью на охоте на вечерней и утренней стойке, на утренних сидках и прочих, следует брать на полптицы вперед, а поздней осенью и на целую птицу.

При стрельбе осенью в лет нырковых уток и при охоте на пролетных путях следует брать вперед на аршин, на два и даже на три вперед птицы. Чем больше расстояние между птицей и стрелком, тем больше нужно целить вперед.

Надо еще посоветовать никогда не стрелять из обычного дробовика (из уточниц крупных калибров — дело другое), целясь прямо по стае уток. Нужно всегда, даже в плотно летящей стае, выцеливать отдельную птицу.

Соблюдая это несложное правило, каждый охотник после небольшого опыта увидит, что результаты его стрельбы будут гораздо лучше, чем при стрельбе по всей стае: нам очень часто кажется, что утки летят очень густо, а на самом деле дробовой снаряд свободно, не задев ни одной, пройдет между ними.

Также не могу не указать на необходимость обязательного достреливания подранков, в особенности на воде, так как погоня за подранком и стремление поймать его еще живым или добить веслом, шестом и прочим, — вряд ли доставит охотнику особенное удовольствие, а, между тем, пожалев сделать во время, спокойно и хладнокровно выцелив, выстрел по подранку, мы часто будем зря утрачивать птицу: подранок или уплывет в траву, или нырнет, или иным каким либо образом пропадет.

К тому же стрельба по ежеминутно ныряющей утке отнимает много времени и очень трудна. Мне, по крайней мере, приходилось затрачивать на добивание таких подранков до восемнадцати выстрелов.

Нырковых уток, сбитых в воду выстрелом в лет и не убитых мертво, следует достреливать сидячими как можно скорее. Иначе утка, опомнившись от падения, обязательно начнет нырять, и, чтобы не утерять ее, придется долго гоняться за ней, изыскивая надлежащий момент для того, чтобы верным выстрелом перевернуть ее брюшком кверху.

ГЛАВА III. Принадлежности утиной охоты

Успешность, удовольствие, а зачастую и самая возможность производства утиной охоты в значительной степени зависят от наличия и устройства различных приспособлений и принадлежностей для охоты. О важнейших из них я и буду говорить.

Челн

Утиная охота — всякая в целом ряде местностей и многие ее способы и приемы почти везде — без лодки невозможна.

Устройство лодок, которые применяются на утиной охоте, различно. Давать описание их долго да и незачем, настолько устройство обыкновенных лодок общеизвестно. Поэтому я в дальнейшем ограничусь только описанием устройства наиболее совершенного для охотничьих целей типа лодки — именно подъездного челна, иногда также называемого «утюгом».

Родиной подъездного челна является Ленинград, а его творцами — морские охотникиленинградцы, испытавшие превосходные его для охоты качества в течение многих лет во все времена года и в самых разнообразнейших условиях. Ленинградскими охотниками подъездные челны были в свое время завезены и в кое-какие другие местности и очень скоро привились там, вытеснив почти совершенно все другие типы охотничьих лодок и челнов. Так, например, было в Вологде, так происходит в настоящее время на Ильмене.

В других местностях о подъездных челнах и об исключительных их качествах мало кто знает; литературные указания об его устройстве почти отсутствуют, и поэтому для охотников будет не безинтересно ознакомиться с устройством этой, безусловно лучшей из всех существующих, охотничьей лодки.

Охотничьей лодке вообще необходимо предъявить целый ряд требований, которым она должна удовлетворять. Лодка должна быть по возможности мала и легка, чтобы управление ею не было бы затруднительно для охотника и не слишком бы его утомляло. Ширина лодки должна быть такая, при которой боковая качка от легких движений охотника не была бы заметна и исключала возможность перевернуться при неосторожном движении. Но, вместе с тем, лодка должна быть и достаточно узкой для большей быстроходности и свободного передвижения по камышам, тростнику и траве.

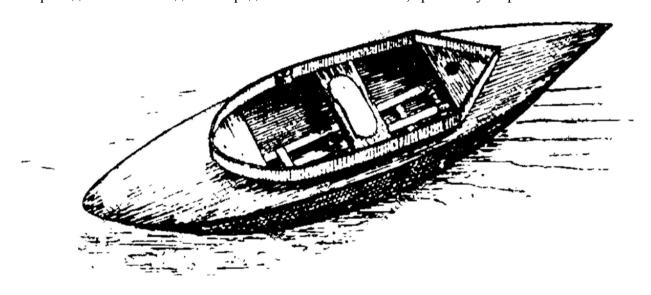

Рис. 1. Подъездной челн. Общий вид.

Этими качествами, а также и многими другими, и обладает в полной мере подъездной челн.

Дно челна должно быть прямое и только в носовой и кормовой части несколько изогнуто вверх. Такой челн легко идет по воде, не зарывается в волну и легко перетаскивается, в случае надобности, по грязи, песку и пр.

Нижняя часть челна делается обычно из цельной выдолбленной осиновой колоды, достаточно разведенной в ширину. Иногда (почти все челны вологодских охотников) днище челна делается, как и у обыкновенной лодки, из отдельных досок. Челны, имеющие днище, сделанное из осиновой колоды, пожалуй, менее прочны, чем сшитые из досок, и легче дают трещины от жары, но зато они несомненно легче, и построить их — много проще и дешевле.

К осиновому корыту (днищу) пришиваются из досок борта.

Длина челна обыкновенно колеблется от 4-х до 5-ти метров, при ширине от 70-ти до 90-ти сантиметров и при высоте от 25 до 40 сантиметров.

Нос и корма челна срезаются почти по ватерлинию. К корме и к носу челн сильно суживается, причем корма обычно делается закругленной, а нос — узким и острым.

Срезанные нос и корма сверху зашиваются фанерой и обтягиваются плотной, пропитанной краской парусиной. Но, по моему мнению, еще практичнее зашивать их не особенно толстым кровельным железом, как и делают это вологодские охотники на своих челнах. Под фанеру или железо необходимо положить прочную деревянную палубу.

Разрез по линии А-Б

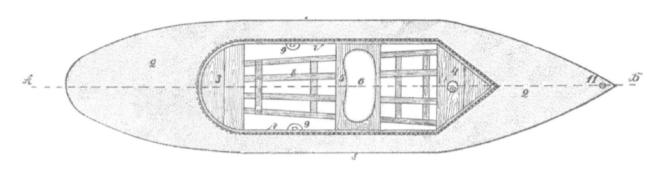

Рис. 2. Подъездной челн. Вид сверху: 1) борт, 2) палуба (верхняя обшивка фанерой или железом), 3) кормовая внутренняя палуба (кормовое сиденье), 4) носовая внутренняя палуба (для крепления мачты и т. д.), 5) выдвижная скамейка, 6) вырез в скамейке, обшитый кожей, 7) фальшборт, 8) донная выемная решетка, 9) круглый прорез в носовой внутренней палубе для крепления мачты, и 10) кольцо для привязывания челна.

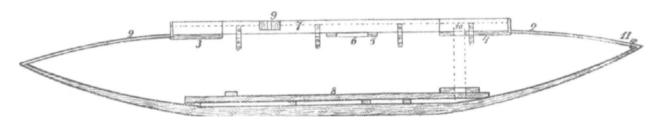

Рис. 3. Подъездной, челн. Продольный разрез по линии А—Б.

Рис. 4. Скрепление борта с палубой и фальшбортом железным угольником.

Борта челна обшиваются сверху доской шириной около 20-ти сантиметров и кроются поверху, по всей их длине, железом или парусиной. К этой палубе, прикрепленной к борту, помимо винтов, которыми пришивается доска, еще и железными или деревянными

угольниками, нашивается второй борт, так называемый «фальшборт», имеющий высоту около 12-ти сантиметров. Фальшборт скрепляется с палубой также угольниками.

Нос и корма челна, зашитые сверху и открытые изнутри челна, служат для помещения чучел, подсадных, багажа и пр.

На носу челна фальшборт делается в форме равнобедренного треугольника, обращенного вершиной к носу челна, а на корме — полукруглым или также треугольным. Наравне с наружной палубой, на носу и на корме настилается из досок внутренняя палубка, образующая на носу, вместе с фальшбортом, треугольный ящик, открытый сверху и со стороны, обращенной внутрь челна, а на корме — такой же ящик, но полукруглый или треугольный.

Носовая внутренняя палубка, имеющая посредине круглое сквозное отверстие, служит верхним креплением для мачты, а в остальное время, когда мачта не поставлена, — полочкой для патронов и т. д.; кормовая — сидением для охотников во время хода челна под парусом или, — если охотников двое, — сидением для рулевого.

Посредине челна остается открытое место, занимающее около трети длины челна (т. е., от 150 до 175 сантиметров длиной при ширине 45—50 сантиметров)

Вокруг этого открытого места, служащего для помещения охотника, и нашивается фальшборт, благодаря чему челн не заливается даже при сильной волне водой. Фальшборт делается из дюймовой доски, но для прочности верхняя его часть по всей длине челна укрепляется еще бортиком из тонкой рейки, которая пришивается к фальшборту изнутри челна винтами. По обеим сторонам челна в буртик врезаются железные рамки, в которые вставляются уключины для так называемых «распашных» весел.

Внутри открытого места челна, ближе к носу, делается выдвижная скамейка для сиденья во время гребли. Для удобства часто в доске скамейки делается вырез, обиваемый кожей.

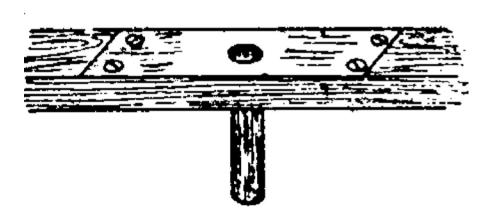

Рис. 5. Железная рамка для вставления уключины.

На дно челна кладется выемная решетка, сделанная из четырех или пяти брусьев, скрепленных между собой в нескольких местах поперечными планками. На части решетки, обращенной к корме, набивается брусок для упора ног при гребле, а в носовой

— имеющая сквозное четырехугольное отверстие планка для укрепления основания мачты, проходящей сквозь носовую внутреннюю палубку.

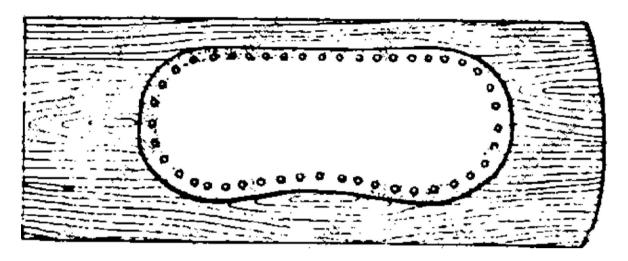

Рис. 6. Выемная скамейка с вырезом, обшитым кожей.

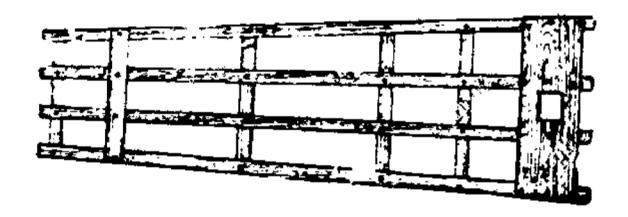

Рис. 7. Выемная донная решетка.

В нос челна вбивается или ввинчивается крепкое кольцо для продевания веревки при привязывании или перетаскивании челна.

С наружной стороны фальшборта прибивается деревянная планка, имеющая сквозные прорезы для вставления ветвей при маскировке челна. Иногда, вместо деревянной планки с отверстием, фальшборт обивается узкой полосой железа, изогнутого так, чтобы при его прибивке к фальшборту образовались бы пазы для ветвей.

Весла для подъездного челна делаются или прямые без вальков, или изогнутые с вальками: место, где весло трется об уключину, обвивается кожей.

Так как челн сравнительно узок, то при пользовании обычными уключинами нельзя применять длинные весла. От этого скорость хода челна, конечно, проигрывает. Вследствие этого, для применения более длинных весел, а, следовательно, и для увеличения хода челна и облегчения гребли, часто применяются, так называемые, выносные уключины.

В отличие от обыкновенных уключин, укрепленных непосредственно на борту челна, выносные уключины, укрепляемые также на, борту, дают возможность применять более длинные весла в особенности в той их части, которая находится между точкой опоры весла и руками гребца. Таким образом, в отличие от обыкновенных уключин, точка прикрепления которых к бортам челна совпадает с точкой опоры весла, выносные уключины имеют точку опоры для весел за пределами челна, — над водой.

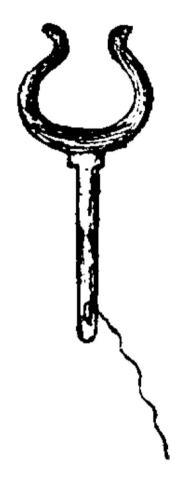

Рис. 9. Железная уключина.

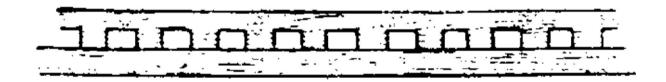

Рис. 8. Приспособления для укрепления ветвей на фальшборте при маскировке челна: верхнее — деревянное, нижнее — железное.

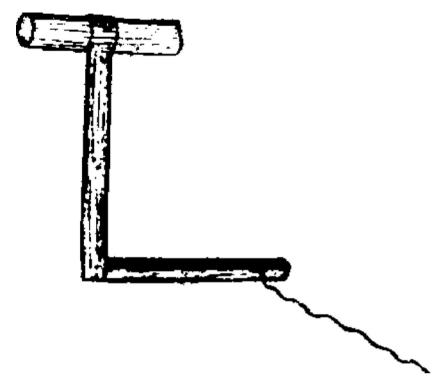

Рис. 10. Выносная уключина.

Устроить такие уключины очень легко и не дорого, а, между тем, и скорость передвижения челна увеличивается, да и сама гребля сильно облегчается.

Выносные уключины обычно изготовляются из куска толстого железа (шинного), изгибаемого коленом, причем более короткое колено закрепляется на борту челна, а более длинное высовывается за борт и держит толстую железную трубку, в которую и вставляется обычная уключина или особый железный стержень, укрепленный на самом весле. Стержень этот, составляющий часть особого, весьма несложного по работе и недорогого приспособления, закрепляется в весле так, чтобы он имел вращение на оси только в плоскости длины весла. Вставленное весло с таким стержнем в уключину должно находиться в таком положении, чтобы лопасть весла несколько наискось входила в воду.

При пользовании выносными, а также и всеми другими металлическими выемными уключинами, во избежание утраты их при случайном выскакивании из гнезда, необходимо привязывать их к кокорине челна на длинных веревочках (чтобы их можно было, не отвязывая, вынимать и вставлять на место).

Часто вместо железных уключин применяются уключины деревянные, состоящие из двух деревянных колышков, укрепленных в борту и сверху перевязанных веревкой. Во избежание скрипа при гребле, надо их перед охотой хорошенько просмолить. Уключины выносные, в особенности такие, в которых весло укрепляется с помощью вышеописанного железного стержня, наиболее удобны из всех остальных, как облегчающие греблю, ускоряющие ход челна и почти исключающие возможность выскакивания весла из уключины, что часто бывает при пользовании уключинами иного устройства, когда приходится вдруг бросить весла и схватиться за ружье. Но следует иметь в виду, что выносные уключины вообще очень неудобны, когда приходится пробираться на челне сквозь кусты, камыш и проч., т. к. их выступающие за борт концы цепляются за каждое препятствие и тормозят ход челна. Впрочем, вообще на веслах по

камышам, тростникам и проч. ездить неудобно, — лучше всего гнать челн кормовым веслом, а, если глубина позволяет, то толкаться.

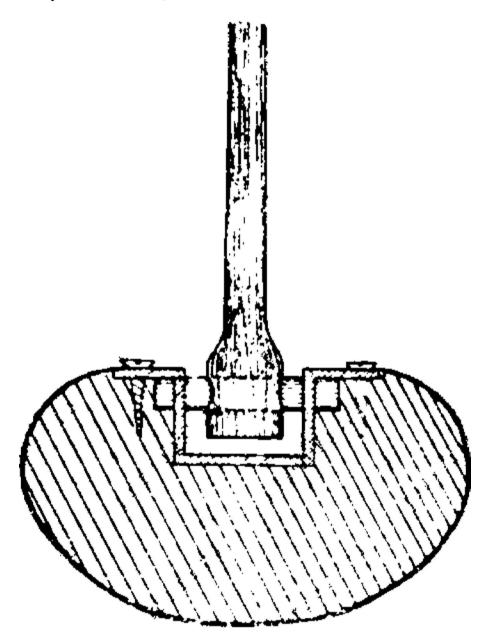

Рис. 11. Крепление стержня выносной уключины в весле.

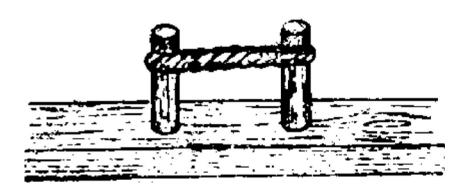

Рис. 12. Деревянная уключина.

В этом случае, а также и во многих других, необходимо иметь в челне весло-пропешку.

Пропешка — длинное прямое, без валька, но с рукояткой, весло, имеющее лезвиеобразную узкую лопасть.

Пропешкой и гребут, и правят, и, когда мелко, толкаются.

Для управления ходом челна, когда идут под парусом, или когда в лодке два охотника, из коих один сидит на веслах, а другой — на руле, удобнее пользоваться рулевым весломправилкой.

Правилка — короткое, прямое весло с рукояткой, имеющее широкую закругленную лопасть.

Парус укрепляется на челне с помощью мачты (проходящей через отверстие носовой внутренней палубки и укрепляемой своим состроганным четырехугольником концом в планке на решетке) и рейка, проходящего по диагонали паруса.

Полотнище паруса обшивается по краям не толстой веревкой, имеющей две петли на свободном верхнем конце (для вставления рейка) и на свободном нижнем (для привязывания шкота, т. е., веревки, которой подтягивается парус, и которая во время хода челна под парусом находится в руках у охотника).

Парус прикрепляется к мачте веревкой, спирально обвивающей мачту и проходящей сквозь обметанные дырочки в парусе. Веревка должна более или менее плотно подтягивать к мачте парус и наглухо скреплять его с мачтой вверху ее и внизу.

Рис. 13. Весло пропешка.

Рис. 14. Весло правилка.

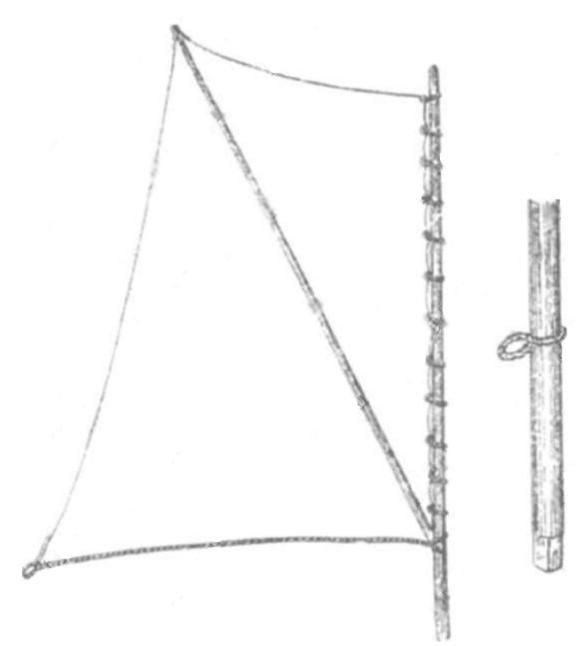

Рис. 15. Парус, мачта и реек.

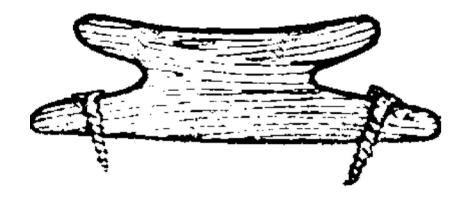

Рис. 16. Деревянная утка для крепления шкота.

В вершках двух-трех от того места мачты, которым она соприкасается с внутренней носовой палубкой, на дереве мачты делается кольцеобразный вырез, вокруг которого

навязывается веревка с петлей. В эту петлю при подъеме паруса вставляется реек, имеющий с обоих концов вырез; другой конец рейка вставляется в петлю на верхнем свободном конце паруса. Реек для удобства его помещения в челне лучше всего делать составным из двух частей, соединяемых между собой медной трубкой (как делаются складные удочки). Величина паруса — дело вкуса, устойчивости и величины челна и опытности охотника. Форма паруса — обычно четырехугольник, имеющий более широкое основание и более длинную сторону, противоположную от мачты.

Для удобства управления парусом и крепления шкота на внутренней стороне борта у кормы по обеим сторонам челна привинчиваются деревянные или металлические утки, на которые наматывается шкот или через которые пропускается шкот во время держания его конца охотником. В последнем случае утки исполняют роль блока, уменьшая силу тяги паруса.

На челн ставится палатка, изготовленная из тонкой, но плотной и пропитанной водонепроницаемым составом материи (холст, полотно, парусина и пр.).

Палатка укрепляется в челне тремя камышовыми дугами, укрепленными на фальшборте в специальных деревянных или железных гнездах. Снаружи палатка пристегивается к фальшборту кожаными петлями за особые крючки на борту.

Форма палатки (в разрезе) — полукруг.

В носовой или кормовой части палатки делается откидная дверца, позволяющая, сидя в палатке (например, в дождь), стрелять по подсаживающимся к чучелам птицам. Окрас палатки — предпочтительнее под цвет травы.

Челн окрашивается — для охоты летом и осенью — под цвет воды или растительности, а ранней весной, когда вокруг снег и лед, — в белый цвет. Окрашивать следует и снаружи, и изнутри. Металлические части окрашиваются точно так же, как и деревянные. Следует не забывать хорошенько прошпаклевать все швы челна перед окраской, а также посадить все железные части челна, прилегающие к дереву и соприкасающиеся с водой, на хорошую суриковую замазку.

Ранней весной небесполезно, когда еще есть лед, иметь с собой в челне небольшую кошку-якорь и багорчик для отталкивания льдин и продвижения среди них.

Как я уже имел случай упомянуть выше, незаменимой принадлежностью челна является керосиновый примус, снабженный бесшумной горелкой. Примус дает возможность в любой момент, не снимаясь с места, тут же в челне согреть пищу, вскипятить чай и пр. Помимо этого, примус, разведенный в челне с натянутой палаткой, очень быстро поднимает температуру, и даже в мороз спать в палатке можно с большими удобствами.

Можно примус разводить, прямо поставив его на скамейку, патронный ящик и т. д. Но гораздо удобнее пользоваться им, поместив его в особый железный, имеющий форму ведра, футляр-печку. Такая печка делается из обычного кровельного железа. В нижней ее части укрепляется примус. Против горелки и насоса примуса делается дверца, дающая

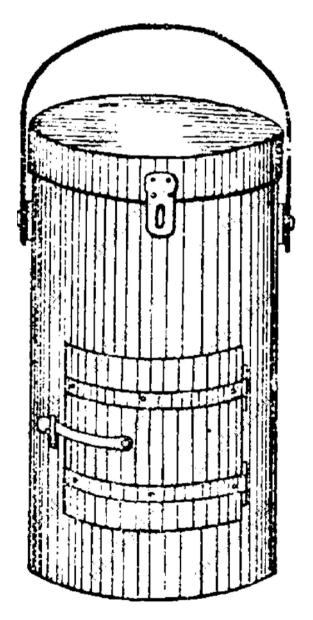
возможность, не вынимая примуса из ведра, налить бензин, разжечь его, чистить капсюль, накачать насосом воздух и проч.

Чайник или кастрюлю нужно изготовить такой величины и формы, чтобы они свободно входили внутрь ведра. Ведро сверху снабжается крышкой.

Разведя огонь и поставив чайник или котелок, крышку ведра можно закрыть, и тогда слабое шипение примуса с бесшумной горелкой будет совсем не слышно. Примус, разожженный в таком ведре, нагревает воздух в палатке чрезвычайно быстро.

Устроить такое ведро-печку очень не хитро, а удобствами оно обладает большими.

Не следует также забывать постоянно иметь в челне небольшой топорик, весьма необходимый на охоте вообще, а на охоте из челна в особенности: топором и дрова наколешь, когда нужно, и ветвей нарубишь куда скорее, чем ножом и проч.

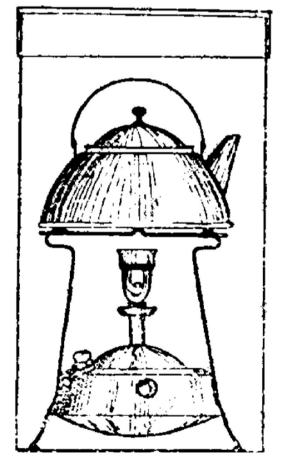

Рис. 17. Футляр-печка для примуса.

Чучела

Существует два основных типа утиных чучел: первый из них изображает птицу, сидящую на воде целиком, второй — представляет собой только профиль сидящей на воде птицы. Поэтому обычно чучела, изображающие птицу целиком, так и называются чучелами, а чучела, изображающие только профиль птицы, — профилями.

Чучела, как первого, так и второго типа, делаются из различных материалов, из коих едва ли не самым распространенным, дешевым и практичным является дерево.

Чучела, изображающие птицу целиком, делаются обычно из трех кусков дерева: нижнего, выдолбленного сверху (тушки и нижней части крыльев), верхнего, выдолбленного снизу (спинки, крыльев и нижней части шеи), и головы, вырезанной из одного куска дерева. Нижняя часть чучела с верхней скрепляются наглухо на деревянных шипах. Пазы между частями основательно прошпаклевываются и сверху, как, впрочем, и все чучело, окрашиваются соответствующим образом. Голова прикрепляется к туловищу также на деревянном шипе.

Иногда чучела делаются всего из двух частей — головы и туловища. В этом случае туловище птицы вырезается из одного куска дерева, выдолбленного для большей легкости и устойчивости на воде снизу, причем низ закрывается посаженным на суриковую замазку листом жести, цинка и проч., врезанным заподлицо в донную часть деревянной болванки.

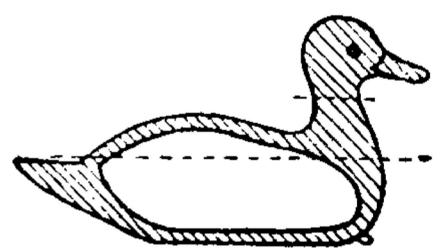

Рис. 18. Устройство утиного чучела из 3 кусков дерева.

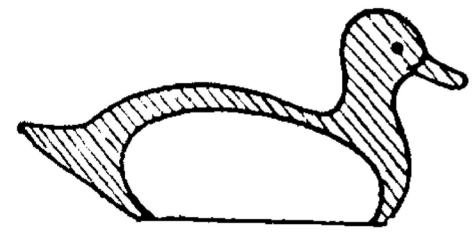

Рис. 19. Устройство утиного чучела из 2 кусков дерева и металлического листа.

Чучела, изготовленные вторым из указанных способов, по моему мнению, практичнее, хотя вполне хороши и первые.

Главные качества, которым должно удовлетворить хорошее чучело: естественность формы и правильность посадки на воде плавающего чучела, которое должно иметь форму и посадку спокойно сидящей утки.

Хорошая, точно подражающая действительному окраску птицы, раскраска чучела также имеет немаловажное значение для успеха, хотя, несомненно, для этого важнее правильные посадка и форма чучела.

Чучела делаются под различных уток: крякв, шилохвостей, чирков, гоголей, чернетей, свиязей. Значительно реже применяют чучела лопоноски, саука, синьги и проч., хотя и нужно сказать, что успешность охоты, главным образом, зависит от наличия хорошо посаженных и естественно раскрашенных чучел именно под нужный вид утки. В особенности это относится к некоторым видам уток, довольно охотно подсаживающимся к чучелам того же вида, но почти никогда не подсаживающимся к чучелам иных видов уток.

Вряд ли стоит писать о том, что чучело не должно сидеть на воде боком, криво, с перевесом на голову или на хвост и проч.

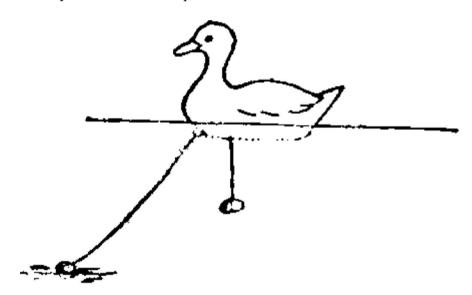

Рис. 20. Приспособление для придания чучелу большей устойчивости.

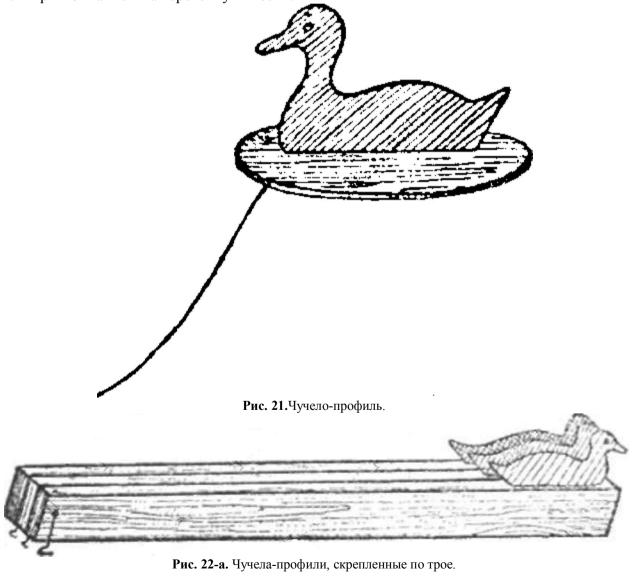
Такое чучело (бывает иногда, что в пустоту болванки через трещинку или пробоины, образовавшиеся при выстреле, задевшим дробью и чучело, набежит вода, и хорошее чучело будет сидеть на воде неправильно) нужно тотчас же снимать, даже и в том случае, когда чучел вообще на лицо недостаточно. Неестественно сидящие чучела, а тем более чучело, плавающее на боку, не только не принесет никакой пользы, но, напротив, будет отпугивать птицу. Так как такие случаи с чучелами, даже хорошо проверенными дома, бывают часто, советую всегда иметь с собой на запас кусок замазки, с помощью которой чучело можно быстро исправить. В крайнем случае может пригодиться несколько размоченный и хорошо размятый ржаной хлеб.

Немаловажное значение для придания чучелам наибольшего сходства с плавающими живыми утками имеет и достаточная устойчивость чучела, в особенности когда дует

сильный ветер, и разыгралась волна. Необходимо, чтобы в этом случае чучела держались бы на воде, как живые утки, и чтобы мелкая рябь не качала бы их чрезмерно, а набегающая волна не бросала бы их так, как никогда не бросит она живую утку. Если же это с чучелом происходит, то это определенно свидетельствует об излишней легкости и малой устойчивости чучела. Исправить это очень легко — стоит лишь несколько утяжелить чучело, и притом так, чтобы центр его тяжести лег бы как можно ниже. Для этого необходимо привязать к днищу чучела (лучше несколько поближе к его голове) на веревочке небольшой груз, свободно висящий, не задевая дна, в воде, но так, чтобы этим не испортить правильности посадки чучела.

В сильную волну, когда чучело перевертывается, очень удобны чучела часто называемые «ванька-встанька», т. е. такие, центр тяжести которых лежит очень низко, вследствие чего они сразу же вслед за перевертыванием их водой принимают свое прежнее положение.

Это достигается или указанным выше способом придания чучелу большей устойчивости, но применяя больший груз, или же, — что, конечно, удобнее — заменой жестяного или цинкового листа, закрывающего выдолбленную часть болванки, таким же листом из свинца или меди. В чучелах, не имеющих на днище металлического листа, устойчивость чучела достигается путем набивки тяжелого металлического листа к днищу или привязыванием на веревочку тяжести.

Чучела ставятся на соответствующей длины нитяных поводках: с гирями из свинца или иной тяжестью на конце. Длина поводка должна быть приблизительно на метр-два более, чем глубина воды в том месте, где ставится чучело.

Чучело-профиль перед тем, как его ставить на воду, приходится вдвигать в особый желобок, проходящий вдоль деревянной дощечки, имеющей очертание разреза туловища птицы.

Помимо этого, очень часто профили скрепляются по трое и более вместе. В этом случае чучело обычно прикрепляется к довольно длинным дощечкам, плавающим на воде на ребре и скрепленным между собой петлями. При постановке таких чучел палочки раздвигаются и укрепляются в таком виде на крючках.

Единственное достоинство профилей — их удобство для перевозки и носки. Во всем же остальном они значительно уступают утиным чучелам, изображающим сидящую на воде утку целиком.

Помимо чучел деревянных, встречаются, — правда, очень редко, — чучела, изготовленные из других материалов — резины (надувные и надутые постоянно), железа, папье-маше и проч.

Большинство из них весьма дороги, ломки, не прочны и вряд ли особенно удобнее обычных деревянных чучел. Впрочем, личного опыта с этими чучелами я не имею, да и вряд ли кто с ними охотится.

На мой взгляд, деревянное, хорошо посаженное, правильно вырезанное и естественно раскрашенное чучело вполне хорошо и по своим качествам, не говоря уже о цене, может выдержать конкуренцию со всяким иным более дорогим чучелом.

Деревянные чучела и профили имеются в продаже, но легко могут быть изготовлены и домашними средствами, даже человеком мало знакомым с искусством плотника или столяра.

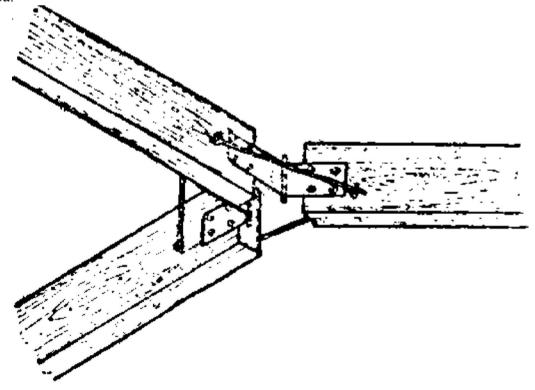

Рис. 22-б. Скрепление трех профилей.

Подсадные утки

Подсадная утка, иначе называемая криковой или круговой, получена в результате скрещивания в различных направлениях кряквы, серухи и домашней утки. Помимо этого, в некоторых подсадных утках определенно примешана кровь большой чернети. Путем внимательного отбора наиболее хорошо окрашенных, голосистых, имеющих небольшой вес и соответственное дикой крякве сложение, и надлежащего скрещивания удалось вывести подсадных уток, внешним видом своим, т. е. формой тела, величиной и окрасом, а также и голосом, трудно отличимых от кряковых уток.

До войны хорошие подсадные утки разводились для продажи в губерниях: Тульской, Рязанской, Орловской и отчасти Новгородской.

Хорошая подсадная утка может кричать без перерыва 10—12 часов подряд. При покупке утки следует иметь в виду, что молодые утки, в особенности одногодние, почти всегда хорошо (в смысле голосистости и безостановочности) кричат, но некоторые из них уже через год-два оказываются для охоты совершенно непригодными.

Очень часто подсадных уток приходится получать скрещиванием дикого крякового селезня с подсадной или просто домашней уткой. Молодые утки — результат указанного скрещивания — первую весну, а, в особенности, осень, кричат хорошо, а затем вскоре становятся молчаливыми, а, следовательно, к охоте непригодными. Второе же и последующие поколения дают более хорошие и постоянные результаты.

Иногда недурных подсадных удается получить, подложив под обычную домашнюю или подсадную утку яйца диких кряковых. По форме, величине и окрасу тела лучших подсадных, нежели полученные указанным способом, желать нельзя. Правда, они будут более пугливые, чем обычно, да и охотиться с такими подсадными представляется возможным только год, самое большее — два. Прекрасно проработав первую осень и весну, они скоро становятся очень молчаливыми. Волей-неволей приходится отказаться, от применения их на охоте и использовать только как производительниц для дальнейших поколений подсадных уток, скрещивая их с домашним (конечно, небольшим по величине) или диким кряковым селезнем.

Подсадная утка сажается на воду обычно на нитяном поводке, прикрепленном к ее ноге и имеющим на противоположном конце какой-либо груз — гирю.

Прикрепление поводка к ноге утки производится с помощью особого, обычно кожаного, браслета, называемого ногавкой. Устройство ногавки весьма просто. В качестве материала берется ремешок из прочней кожи (не сыромятной) длиной около 12—15 сантиметров и шириной 1,5 см. Ремешок известным образом прорезается и обрезается. Где и какие сделать вырезы и прорезы, указано на рисунке. Ногавка должна свободно, не сжимая, держаться на ноге утки, но в то же время быть достаточно узкой для того, чтобы утка не могла освободить из нее ногу.

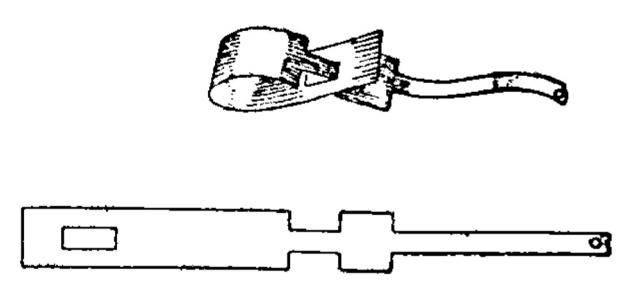

Рис. 23. Устройство обыкновенной ногавки.

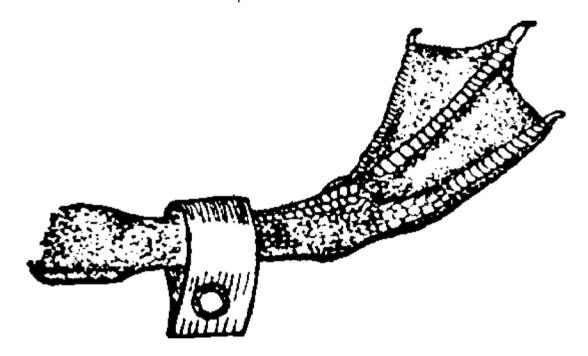

Рис. 24. Ногавка с пистоном.

Гораздо проще, прочнее и, по моему, удобнее пользоваться ногавками не обычного, описанного выше, типа, а постоянной ногавкой, изготовляемой следующим образом: берут кожаный ремешок сантиметра в полтора ширины и сантиметров 10 в длину, обворачивают им надлежащим образом ногу утки и: оба конца ремня скрепляют наглухо с помощью обычного сапожного пистона. Такая ногавка очень хороша тем, что не требует долгой и подчас неприятной возни в темноте с надеванием обычной ногавки на ногу утки, не требует постоянной проверки, насколько хороша ногавка надета, далее — не растягивается, не сжимается и чрезвычайно проста для привязывания поводка, так как отверстие пистона отчетливо узнается даже в темноте на ощупь.

Иногда, для того, чтобы утка имела возможность во время работы отдыхать, выходя из воды, ее привязывают на поводок, прикрепленный не к гире, лежащей на дне, а к деревянному кружку, свободно вращающемуся на вбитом в дно коле. В этом случае, когда утка устанет плавать, она может выбраться из воды на кружок, посидеть, отряхнуться и обсохнуть. Кол вбивается в дно прямо и так, чтобы кружок находился на 1-2 сантиметра

под водой. Кружок должен вращаться на гвозде или иной оси, неподвижно прикрепленной к срезанному под прямым углом верхнему концу кола. Если кружок сделать не вращающимся, утка, плавая вокруг столба, обмотает около него поводок. Поводок следует привязывать к кольцу, ввинченному в край кружка.

Устройство кола с вращающимся кружком (отсюда подсадные утки и получили название «круговых») видно из рисунка.

Во время поездки на охоту, во время отдыха, когда работает одна из двух, взятых с собой, подсадных и т. д., их следует держать в корзине или ящике, специально устроенных. Если подсадная одна, ящик или корзина снабжается одной крышкой. Если подсадных две, или вместе с подсадной на охоту берется и селезень, нужно ящик или корзину делать с двумя отделениями, закрываемыми двумя же крышками. В крышке корзины или ящика (или в боковой их стенке) нужно сделать вырезы для свободного прохода в ящик воздуха и для того, чтобы утка могла, время от времени просовывать сквозь эти дыры голову наружу.

Корзины плетутся из ивовых прутьев, ящики обычно делаются из фанеры.

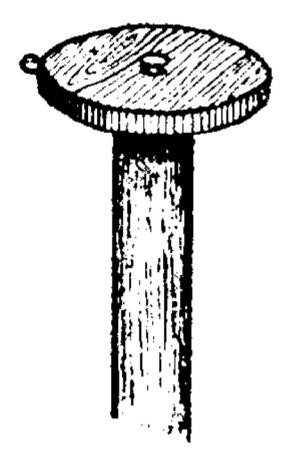

Рис. 25. Кружок на коле.

И корзина, и ящик должны быть снабжены ручкой для носки. Внутрь корзины следует настилать солому или сено и менять их возможно чаще.

Не следует забывать всегда ставить утке в черепке воды.

Во время отдыха на охоте днем не следует держать подсадных все время в корзине. Можно выпустить их погулять на тех же поводках.

Хорошо прирученные подсадные ведут себя очень хорошо, и мне приходилось не однажды, подъезжая на челне, чтобы взять подсадную, видеть, как подсадная сама впрыгивает в челн и направляется к своему ящику. Во время поездок на охоту на лодке подсадные у меня часто свободно, без поводка, сидели в челне, осаживая каждую утку, пролетающую вдали от челна.

Кормить подсадных перед охотой и в промежуток между вечерней и утренней зарей следует досыта: голодная подсадная (а утки необычайно прожорливы) вместо того, чтобы исполнять свои обязанности, может заняться нырянием, ковырянием в тине и проч. в поисках пищи и не будет обращать надлежащего внимания на пролетающих уток.

Груз, на котором ставится подсадная, должен быть достаточно тяжел для того, чтобы утка не имела возможности его сдвигать с места. Если груз чрезмерно легок, то утка может его стащить с места и отдалиться от охотника, или же перепутать свой поводок с поводками рядом поставленных чучел.

Длина поводка должна быть метра на 3—4 более, чем глубина воды в том месте, где она посажена.

Груз для поводка лучше всего отлить из свинца, взяв для этого кусок весом около 1 килограмма или немного более.

Следует внимательно, перед тем как поставить подсадную, осмотреть ногавку, проверить прочность поводка, и насколько он надежно прикреплен к грузу. Иначе подсадная может оторваться каким либо образом и уйти, испортив не только охоту, но и пропав совсем.

Если подсадная ушла, то в зависимости от того, оторвалась ли она с поводком или нет, следует ее или загонять на челне в редкие кусты, где ее поводок скоро запутается за ветви, или же как раз наоборот, — не допускать уйти в кусты, где она скоро скроется с глаз охотника. Лучше же всего, если подсадная привыкла к другим подсадным, имеющимся у охотника, или к своему селезню, не гнаться за ней, а выбросить поскорее их на воду и ждать, когда удравшая подплывет к ним, а затем и к челну, сама.

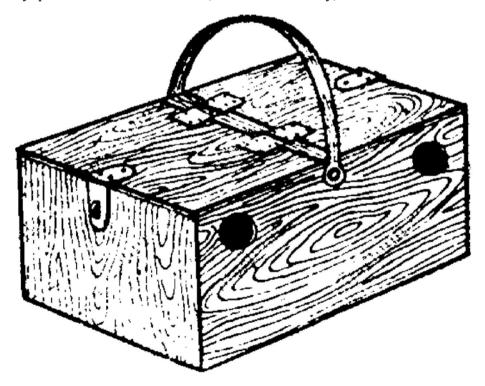

Рис.26. Ящик для двух подсадных.

Мне однажды удалось таким образом через день поймать свою сорвавшуюся с поводка подсадную, захватив в следующую охоту с собой селезня и днем поставив его на воду приблизительно в том же месте.

В двух других случаях, когда у меня срывались подсадные, работавшие не один год, они сами, нагулявшись, забирались в тихо подъехавший к ним челн.

Манки

Как я уже имел случай неоднократно говорить выше, успешность охоты на уток с чучелами значительно увеличивается, если, помимо приманивания уток видом их плавающих на воде сородичей, применить еще манку их голосом. Манить следует голосом тех уток, о присутствии которых вблизи засады охотник знает или которых он хочет приманить к чучелам.

Манить следует голосом самки утки, а не селезня. Весной — потому, что селезень идет на голос своей возможной подруги, конечно, охотнее, чем на голос своего вероятною противника. Летом и осенью — вследствие того, что самки-утки вообще разговорчивее, чем селезни, и голоса их в большинстве случаев звонче и легче поддаются подражанию.

Научиться манить голосом всякую утку, — подражая голосу и самки, и селезня, — очень трудно, и этим искусством в совершенстве владеют только очень немногие охотники. Научиться же манить недурно крякву, чирков и шилохвость, подражая голосу самок этих уток, довольно легко.

Утку манят или с помощью особенно устроенных дудок, манков, или с помощью руки.

Манки (вабики) «на утку», продаваемые в магазинах, в огромном большинстве случаев при пользовании ими без предварительной настройки издают звуки, лишь отдаленно напоминающие голос кряквы или чирков, и ими можно скорее отпугнуть, чем приманить утку...

Манки эти делаются из жести, дерева, кости, рога и проч. Обычно манок состоит из следующих частей: дудки, материалом для изготовления которой служит жесть, дерево, кость, рог и пр., раструба (резонатора) на конце дудки, обычно из того же материала, как и сама дудка, и особого аппаратика, вставленного внутрь дудки, который, собственно, при продувании сквозь него воздуха и издает звук, схожий с голосом самки-утки. Устройство этого аппаратика обычно следующее: берется не толстая, — чуть потолще обычного карандаша, — с довольно толстыми стенками деревянная или металлическая трубка. Один конец трубки наискось срезается на-нет. Этот срез сверху прикрывается соответствующей ширины металлическим (латунным) лепестком, весьма тонким. Один конец лепестка, плотно прилегающий к концу срезанной на-нет трубки, остается свободным, а другой после некоторого изгиба плотно прикрепляется обмоткой из тонкой веревки, пайкой, воском и проч. к верхней поверхности трубки. Трубка вместе с прикрепленным к ней латунным лепестком вставляется во втулку, плотно пригнанную к внутренней поверхности дудки. Свободный конец лепестка должен быть обращен по направлению к потоку вдуваемого при манке в дудку воздуха. При вдувании воздуха последний, поднимая лепесток и проходя через трубку к раструбу, колеблет упругий металлический лепесток, вследствие чего и получаются звуки, схожие с кряканьем утки. Различными

комбинациями толщины лепестка, длиной его свободного конца, упругостью его и т. д. удается настроить дудку под голос того или иного вида утки.

Мне лично чаще всего удавалось добиться надлежащей настройки от манков, продаваемых в магазине, сделанных из кости с деревом — деревянная дудка и костяной раструб. Правда, такие манки были и самые дорогие. От обычных же жестяных манков, стоивших до войны 15—20 коп., я ни разу не мог добиться хоть сколько-нибудь приличных результатов. Впрочем, охотно допускаю, что эта неудача объяснялась случаем, малой настойчивостью и проч.

Само собой разумеется, что под голос каждого вида уток необходимо настраивать манок по-особому, и на охоте иметь их несколько: под крякву, под чирка-трескунка, под чирка-свистунка, под шилохвость и пр.

Гораздо проще, по моему мнению, научиться не настраивать хорошо манки, а хорошо манить утку с помощью руки и губ.

Манка этим способом производится различно. Для всех способов — одно общее правило: губы складываются так, как для трубления в рог. Затем к губам подносится сжатый кулак, и воздух с силой вдувается в сжатую руку между большим и указательным пальцами. Остальными пальцами — сжатием их и раскрытием — регулируется и сила звука, и его характер. Другие охотники, вместо кулака, прикладывают к губам ладонь руки, третьи верхнюю часть кисти и т. д.

По-видимому, каждый охотник избирает наиболее удобный и удающийся ему прием.

Научиться манить таким образом не очень трудно. Все зависит от настойчивости, постоянной практики и опыта. Помимо этого, конечно, необходимо хорошо запечатлеть в своей памяти звуки голоса той утки, которой стараешься подражать. Несомненно, наличие музыкального слуха облегчит учебу, хотя мне, например, при полном отсутствии какого бы то ни было музыкального слуха, все же после некоторого терпеливого обучении удалось сравнительно недурно овладеть искусством манки уток с помощью губ и руки.

Пусть не смущаются поэтому новички неудачей первых дней, а, может быть, и недель. Практикой, испробовав множество различных способов манки рукой, описать которые невозможно, он постепенно дойдет до получения желательного звука, а затем и научится регулировать этот звук нужным образом.

Манка уток очень интересна, а хорошая манка множит и результаты охоты, и удовольствие, которое получаешь на охоте.

Охотник, научившийся недурно манить уток рукой, скоро забросит манку другими способами и никогда не променяет в дальнейшем манку рукой на часто портящиеся, засоряющиеся и вдруг отказывающиеся работать нескладные дудки-вабики.

Всем новичкам могу дать только один практический совет: смочить несколько перед манкой то место руки, которое будет прикладываться к губам.

Учиться манить следует с подражания голосу кряквы и чирка-свистунка, как уток, наиболее часто встречающихся, и голоса которых охотник слышит постоянно. Овладев этим, охотник постепенно научится манить и других уток.

Одежда и обувь

Чтобы закончить главу о принадлежностях утиной охоты, необходимо сказать несколько слов о том, как должен, по возможности, одеваться охотник на утиной охоте. Начну с весны.

Весна, а также и осень, в отношении требований к одежде и обуви охотника совершенно схожая с весной, часто сопровождается сильными заморозками, снегом, холодным дождем и пр. Поэтому, выезжая на охоту, каждый охотник должен прежде всего озаботиться о том, чтобы его ноги во время охоты и отлыха не страдали бы ни от сырости, ни от холода. Вследствие этого, высокие — за колено — болотные, совершенно непроницаемые для воды сапоги являются совершенно необходимыми на всякой весенней охоте по уткам, даже и в том случае, когда охота производится с челна. Без сапог ни выйти на берег для того, чтобы нарубить ветвей, ни сойти с лодки для того, чтобы стащить ее с мели или перетащить через какое либо препятствие, ни облегчить постановку чучел и посадку подсадной, выйдя на мелком месте с лодки, невозможно. Особо длинных — во всю длину ноги — сапог, желательных, несмотря на их большой вес, когда охотиться приходится с берега, при охоте с лодки не требуется. Лучше всего, если сапоги будут только прикрывать колено, так, чтобы в случае надобности можно было становиться на колени, не боясь промочить ног. Сапоги должны быть просторные, свободно допускающие одевание двух и даже трех пар толстых шерстяных носков или толстых суконных подверток.

Еще лучше, помимо сапог, иметь с собой валенки. В валенках сидишь и на зорях (если по условиям охоты не требуется постоянно быть наготове выйти из засады), в них и спишь во время перерыва, да и день в них проводишь. Кроме того, если сапоги текут, или вода попала в них поверх голенища, валенки избавят от многих неприятных часов, которые в противном случае неизбежны.

Под сапог или валенок следует надевать на ногу несколько пар толстых шерстяных носков или мягкую холщевую подвертку, а поверх ее мягкую суконную.

На тело лучше всего одевать просторную из мягкой кожи куртку поверх вязаной фуфайки. В этой куртке и гребешь на лодке, и проводишь день, да и сидишь на зорях, если не очень холодно. Кроме кожаной куртки, необходимо иметь с собой теплую суконную куртку лучше всего на меховой подкладке. Еще лучше куртки крытый сукном полушубок. Его одеваешь, когда становится холодно, под ним спишь ночью.

Руки также необходимо защищать, как от холода, так и от воды. Вязаные рукавицы вниз под кожаные — лучшая защита для рук. Стреляешь, всегда сняв рукавицу, так как даже если пользоваться весьма тонкими перчатками, стрелять будет неудобно.

На голове лучше всего суконная теплая шапка с суконным же козырьком и наушниками. На случай дождя — простая зюйдвестка с полями, сшитая из проолифленной материи. Для предохранения тела от дождя необходим дождевик. Клеенчатый кожан очень непрактичен, быстро рвется, зацепившись за какой либо сук, гвоздь и пр. Дождевик должен быть построен, чтобы одеваться поверх теплой куртки, и снабжен капюшоном (колпаком), пристегнутым к воротнику. Лучше всего дождевик сшить из специальной материи или из тонкого, но плотного, пропитанного олифой или иным водонепроницаемым и делающим ткань невосприимчивой к воде составом.

Вот, кажется, и все, что следует сказать об одежде и обуви охотника весной и осенью.

Что касается лета, то летом тепло и в воде, и на воздухе. Таскать на ногах тяжелые сапоги и бессмысленно, и неприятно. На ходовой охоте иногда приходится погружаться в воду по пояс и после этого обязательно снимать сапоги и выливать из них воду. Поэтому при ходовой охоте летом от высоких сапог следует решительно отказаться. Просторные поршни из мягкой, не твердеющей, как камень, при просыхании кожи или из такой же кожи невысокие шнуровые сапоги являются лучшей обувью при такого рода охоте.

Устройство поршней общеизвестно, и писать об них не стоит. Разве только стоит посоветовать заменять шнурки-веревки, которыми прикрепляются поршни к ноге, длинными ремнями с пряжкой.

Шнуровые сапоги для летней охоты следует делать высотой лишь на 2 вершка выше ботинок (щиблет). Сапоги должны быть легкими (можно делать их даже без каблука и без особой подошвы, как делаются поршни) и мягкими. Целью сапога является не защита ноги от воды, а защита от царапин, как ступни, так и нижней части голени. Поэтому вода не должна задерживаться в сапоге, а, наоборот, свободно из него выливаться. Для этого в нижней части сапога, около подошвы, следует сделать с обеих сторон сквозные круглые дырочки, укрепив их края сапожными пистонами. Через эти дырочки вся попавшая в сапог вода будет немедленно вытекать.

Брюки для летней охоты должны быть длинными и сделанными из какой-либо прочной, но не твердеющей от воды бумажной материи. Концы брюк должны быть заправлены в чулок или подвертку для того, чтобы они не мешали ходьбе и предохраняли бы от уколов, царапин и проч. голень и икру ноги. В противном же случае концы брюк будут зацепляться за всякие препятствия, брюки задираться, под них попадать грязь, а, кроме того, нога царапаться и колоться.

Брюки следует надевать прямо на тело, точно так же, как и рубаху из такой же материи. Рубаха шьется просторной, с большим, застегивающимся на пуговицу, карманом на левой стороне груди (чтобы не мешать стрельбе), для табаку, спичек и т. д.

На голову следует одевать фуражку или шапку с большим, закрывающим глаза от солнечных лучей козырьком.

Под поршни или шнуровые сапоги следует одевать шерстяной чулок или холщевую подвертку.

Не следует забывать, когда охота продолжается несколько дней подряд, захватить с собой запасную пару платья и несколько пар чулок и подверток.

Придя с охоты, следует помыться в чистой воде и сейчас же переодеться в сухое и чистое платье. Одежду же, бывшую на охоте, следует просушить. Это не всегда удается сделать за ночь, и поэтому, чтобы не одевать утром сырой одежды, а это очень неприятно, нужно иметь запасную одежду.

Когда охота на уток летом происходит исключительно с челна, или когда на месте охоты приходится проводить несколько дней, ночуя под открытым небом, конечно, следует брать с собой и болотные сапоги, и теплое платье, и даже полушубок и валенки. При наличии их отдых проводишь с большими удобствами.

В заключение два слова о цвете одежды охотника: весной и осенью предпочтительнее серые, защитные, коричневые и т. п. цвета. Летом — зеленый или защитный.

ГЛАВА IV. Оружие

Для охоты на уток применяется как дробовое, так и пульное (нарезное) оружие.

Дробовые ружья применяются как обычного типа, так и крупнокалиберные, тяжелые и длинноствольные, специально приспособленные для стрельбы на больших расстояниях по стаям птиц, т. е. ружья-уточницы.

Для стрельбы уток накоротке, обычной летом, никаких особых, исключительных качеств боя от ружья не требуется. Осенью же и отчасти весной, когда стрелять приходится нередко на расстояниях, близких к предельному бою дробового ружья вообще, да и, кроме того, когда птица хорошо одета к очень крепка на рану, от ружья требуется возможно более кучный и, главное, резкий бой.

Вообще для всякой охоты крайне важно чистое поражение дичи дробью. На охоте же по уткам эта чистота поражения птицы дробью, т. е. такой бой ружья, при котором птица, попавшая в сноп снаряда, умирает мгновенно, особенно важен. В противном случае не убитая мертво, а только раненая утка по меньшей мере в 4-х случаях из 10-ти сумеет скрыться от охотника: нырнет, уплывет в заросли водяной растительности и проч. Вследствие этого, необходимо, по возможности, всегда тщательно пристреливать ружье, обращая прежде всего внимание на достижение наивысшей резкости боя, т. к. чистота поражения дичи, главным образом, зависит не от кучности, а от резкости (если ружье бьет вообще более или менее прилично).

Поэтому я бы посоветовал каждому охотнику вообще, а охотнику по уткам в особенности, тщательно пристрелять свое ружье и патроны снаряжать, всегда следуя указаниям пристрелки.

Только пристрелкой ружья на наивысшую резкость и постоянство боя при наличии только достаточной кучности охотник, стреляя на посильных для дроби вообще расстояниях, избавится от множества совершенно зря для него пропадающих подранков, от погони за ними, достреливания и проч., что всегда весьма неприятно и портит как удовольствие, так и результаты охоты.

Много споров вызывал и вызывает и сейчас вопрос, каким номером дроби следует стрелять ту или иную дичь в различные времена года и в различных условиях. На основании личного своего опыта и опыта других, гораздо более пострелявших на своем веку и более сведущих, чем я, охотников, я позволю себе сказать следующее. При условии пристрелки ружья на наивысшую резкость нет никакого смысла и основания применять очень крупные номера дроби: от этого будет только затрудняться стрельба и понижаться процент чистого поражения дичи.

Я бы посоветовал для стрельбы уток всех видов летом на вылетку и с чучелами, когда редко приходится стрелять на расстояниях, превышающих 50 шагов, а обычно — на 25-30 шагов, — пользоваться дробью №№ 8 и 7.

Позднее, когда утка станет более строгой и более крепкой на рану, можно брать дробь несколько более крупную — \mathbb{N} 6 и 5. Этими же номерами дроби следует стрелять чирков, лопоносок и проч. некрупную утку осенью и весной.

По средним по величине уткам осенью и весной следует стрелять дробью №№ 4 и 3, и только по крякве, свиязи и проч. поздней осенью, когда стрельба производится на расстояниях 60—70 шагов, можно прибегать к более крупной дроби — №№ 2 или 1-му.

Применение еще более крупных для стрельбы по уткам номеров дроби — бесцельно: трудность попадания увеличивается, и чем на большем расстоянии производится выстрел, тем меньше вероятности попасть в утку крупной, не для нее предназначенной, дробью.

Стрелять же по уткам дробью на таких больших расстояниях, хотя бы и по стаям, когда вся надежда не на бой ружья, а на шальную дробину, — не следует: при такой стрельбе больше покалечишь зря птицы, чем ее возьмешь.

Обычным ружьем, с которым производится охота на уток, как, впрочем, и всякая ружейная охота по дичи и мелкому зверю, являются двуствольные и одноствольные дробовики средних — 12, 16, 20 и 24 — калибров. Нет никаких сомнений в том, что двуствольные ружья, конечно, удобнее одноствольных, как позволяющие стрелять дважды, посылая выстрел немедленно вслед за выстрелом.

Очень часто (впрочем, почти исключительно охотниками-горожанами) применяются на охоте по уткам магазинки и автоматы.

Обладая прекраснейшим, как в смысле кучности, так и в смысле резкости и осыпи, боем, магазинки и автоматы, казалось бы, являются идеальнейшим оружием для охоты на уток. Объясняется это тем, что: 1) преимущество постоянно иметь наготове два ствола, заряженные разными номерами дроби на утиной охоте почти отпадает, и 2) именно на утиной охоте возможность произвести один за другим не один или два, а пять и шесть выстрелов подряд наиболее нужна и желательна, чем на всякой другой охоте.

Однако, есть одна причина, которая заставляет меня да, пожалуй, и всякого охотника признать, что иногда магазинки и автоматы вовсе уже не так хороши именно на утиной охоте, чем это кажется на первый взгляд. Эта причина заключается в том, что из магазинных и автоматических ружей приходится стрелять бумажными (папковыми) гильзами. А, между тем, именно у папковой-то гильзы, не взирая на ее весьма крупные достоинства и преимущества перед гильзой медной (толстой), и есть два недостатка, которые делают ее подчас вовсе непригодной для утиной охоты!

Первый из этих недостатков—относительная дороговизна папковой гильзы, в особенности у нас в настоящее время (5—6 коп. за штуку). Папковая гильза в лучшем случае выдерживает 2—3 выстрела, что и ведет к тому, что стоимость гильзы является крупной частью стоимости снаряженного патрона. При пользовании-же автоматом или магазинкой гильза после выстрела будет улетать неизвестно куда (за каждой вылетевшей из патронника магазинки или автомата гильзой вообще уследить трудно, а при стрельбе на воде и вовсе невозможно), и, следовательно, для охотника пропадать. Таким образом, к стоимости каждого выстрела, произведенного из магазинки или автомата по уткам, придется добавлять еще 5—6 копеек, а это, конечно, очень накладно. Между тем, именно на утиной охоте, как, пожалуй, ни на какой другой охоте вообще, приходится считаться со стоимостью снаряженного патрона, т. к. патроны, выпускаемые за один день по уткам,

приходится иногда считать не только десятками, но и сотнями. Следовательно, автомат или магазинка, сами по себе стоящие относительно недорого, но не позволяющие пользоваться очень экономичной (цена гильзы 10—11 коп.; гильза выдерживает более сотни выстрелов) толстой медной гильзой, — весьма дорогое удовольствие.

Второй недостаток папковой гильзы заключается в том, что эта гильза очень восприимчива к сырости и легко под ее влиянием раздувается и разбухает. Вследствие этого, на утиной охоте, где уберечь гильзы от сырости часто очень трудно, папковая гильза мало пригодна. Раздувшаяся же гильза туго входит в патронник и с трудом оттуда извлекается. В итоге — автомат или магазинка превращаются в плохо работающую однозарядную одностволку. Такие казусы с папковыми гильзами случаются на утиной охоте весьма часто и ведут к большим неприятностям, а подчас и к необходимости вовсе прекратить охоту.

Эти два недостатка папковых гильз делают автоматы и магазинки в русских условиях вряд ли достойными названия «лучшего» и «специально для утиной охоты» предназначенного дробового ружья.

Тем охотникам, которые употребляют на утиной охоте, а также и на всякой другой охоте, папковые гильзы, я посоветую для предохранения гильз от разбухания, от сырости пропитывать верхний слой бумаги гильзы жидким вазелином. Вазелин несомненно делает картон гильзы менее восприимчивым к усиленному впитыванию влаги.

Давать подробные указания об уточницах я не буду; как и сказано было уже выше, мой собственный опыт с этими ружьями очень невелик, а каких либо указаний в русской охотничьей литературе, интересных и подробных, об этих ружьях я не нашел, — во всяком случае о тех ружьях-уточницах, с которыми фактически охотятся русские охотники и которые можно приобрести у нас.

Но о нарезном оружии, применяемом на утиной охоте, сказать несколько слов безусловно необходимо.

Прежде всего — о калибре оружия.

Огромный, как русский, так и иностранный, опыт с нарезным оружием определенно указывает, что калибры менее 2,5 линий и крупнее 3,2 линий для такой птицы, как утка, безусловно не годны. Калибры менее 2,5 линий — слабы. Калибры более 3,2 линии рвут тушку птицы. Таким образом, выбор наиболее подходящего для уток калибра винтовки следует делать между 2,5 и 3,2 линиями (6,35—8,15 мм).

Калибры 32 и 30 имеют целый ряд прекрасных патронов и винтовок, в особенности американского происхождения. Таковы например, калибры 32/40/165, 32/20, 30-30-160 и мн. другие. Но те из патронов этих калибров, которые снабжены свинцовой пулей, определенно негодны для утки: рвут беспощадно ее тушку. Патроны же, снаряженные пулей в оболочке, дороги и не допускают возможности их переснарядки домашним способом да и почти не встречаются в продаже, следовательно в современных условиях от применения этих патронов для утиной охоты следует отказаться.

И вот, по моему, едва ли не наилучшим из существующих в настоящее время дешевых патронов, позволяющих только при наличии соответствующего прибора переснаряжать патроны домашним способом, является американский патрон калибра 2,5 линии,

известный под названием 25/20. Убойность этого патрона по уткам, даже крупным, вполне достаточна. Более того: этим же патроном можно стрелять и гуся, и даже лебедя. Глухарь, по крайней мере, ложится прекрасно. Настильность и дальность боя такого патрона невелика, но для стрельбы уток — достаточна за-глаза.

Редко, ведь, возможно вообще стрелять утку на расстоянии более 150—200 шагов. В то же время сравнительно малая дальнобойность этого патрона создает известную безопасность стрельбы из винтовки.

Таким образом, по моему мнению, американский патрон 25/20 под американскую же или какую-либо иную винтовку является очень хорошим для стрельбы по уткам, и именно на покупке винтовки под этот патрон я посоветовал бы небогатому охотнику остановить свой выбор.

Применение к винтовке телескопического прицела очень облегчает стрельбу и в особенности стрельбу в полумраке, когда без телескопа не только прицелиться верно, но и просто рассмотреть птицу не всегда возможно.

В большинстве случаев винтовки применяются на утиной охоте, как подсобное оружие к дробовику. Но иногда можно поохотиться с успехом и с одной винтовкой, в особенности при охоте с подхода. На ходовой охоте таскать с собой два ружья — дробовик и винтовку — конечно, неудобно и трудно. Поэтому обычно винтовка применяется только при охоте с челна или из шалаша.

Летом винтовка менее применима, чем весной и осенью, когда с ее помощью можно не только увеличить количество взятых уток, но и застрелить гуся или лебедя из шалаша или каким либо иным путем приблизившись к ним на винтовочный выстрел.

Так как иногда и на охоте ходовой надобность в винтовке ощущается довольно часто, то совмещение в одном и том же ружье качеств хорошего дробовика и хорошей винтовки — крайне желательно.

Поэтому хороший тройник, имеющий пару верхних стволов дробовых, а нижний — пулевой под какой-либо хороший утиный патрон, явится незаменимым оружием на охоте по уткам.

Пару слов еще о том, — что предпочтительнее на утиной охоте, однозарядная ли винтовка или винтовка магазинная (и автоматическая). Надобности в быстром повторении выстрелов пулей на утиной охоте обычно нет. И несколько механизм и конструкция магазинки (а тем более автомата) все же значительно сложнее, чем однозарядки, я бы советовал брать однозарядку, как более дешевую при равных качествах работы с магазинкой и как более доброкачественную — при равной с нею цене,

На этом я и закончу главу об оружии для утиной охоты, заметив только попутно, что я умышленно уклонился от указаний о наиболее пригодном, по моему мнению, калибре дробовых ружей. Будучи убежденнейшим сторонником ружей большого веса при малом (20 и 24) калибре и проверив их громадные преимущества перед большими калибрами на опыте, я, однако, не считал себя вправе затрагивать этот большой, острый и интересный вопрос на страницах книжки, посвященной специально утиной охоте. Иначе настоящая глава разрослась бы в целый трактат о дробовом оружии вообще и о преимуществах тяжелых малокалиберных дробовиков, в частности.

ГЛАВА V. Собаки

Не в пример почти всем способам охоты на лесную и болотную дичь, охотничья собака на утиной охоте не играет главной роли. Конечно, собака — «душа ружейной охоты», как сказал много лет тому назад в своих бессмертных «Записках Ружейного Охотника Оренбургской губернии» С.Т. Аксаков. Но именно утиная охота в большинстве случаев представляет собой некоторое исключение из этого общего правила. Роль охотничьей собаки на утиной охоте значительно скромнее, чем на охоте в лесу и на болоте. На некоторых утиных охотах собака, как бы она хороша ни была, совсем не нужна, на некоторых она только не мешает, и почти на всякой утиной охоте роль охотничьей собаки сводится не к отыскиванию дичи и подаче ее под выстрел охотника, а к доставанию дичи уже убитой (аппортированию) и к преследованию подранков. Лишь на очень немногих охотах на уток роль собаки значительнее, и наличие хорошей собаки гарантирует интересность и успешность охоты.

При охоте весной собака охотнику не нужна вовсе, да и применение на весенней охоте собак для каких бы то ни было целей запрещено действующими правилами об охоте.

Летом же дело совсем другое. Хорошая собака не только не даст уйти ни одному подранку или затеряться убитой утке, но и выставит под выстрел охотника не один десяток уток из крепкого места, из которого выжить их сам охотник будет не в состоянии.

Итак, наибольшее значение собака на утиной охоте имеет летом и ранней осенью.

Выше я уже говорил, что иногда по условиям местности, а отчасти и погоды, удается успешно пострелять уток из-под стойки легавой. Но это удается сравнительно редко и почти всегда случайно. Мне, по крайней мере, пришлось за всю свою жизнь взять из-под стойки собаки не более двух десятков уток, почти исключительно кряковых. Стрелять их удавалось всегда случайно, охотясь на болотах по долгоносым, в полдневную жару, в начале августа.

На берегу речонки, озерка и проч., густо поросших травой, замирала на стойке собака, и после обычного «вперед», вместо ожидаемого бекаса, вдруг поднимались с криком кряква, две, а то и целый выводок. Иногда приходилось делать выстрел по кряквам из под стойки на берегу какого либо островка, на озере или реке и т. д.

Но опять-таки повторяю, что такая охота почти всегда носит случайный характер.

Поэтому стойка — главное достоинство легавой собаки — на утиной охоте вовсе не важна. К специально утиной собаке предъявляются совершенно иные требования, а именно: 1) способность, пробираясь по зарослям водной растительности, а иногда и плавая по воде, поднимать утку на крыло и тем самым подставлять ее под выстрел охотника, и 2) способность хорошо разыскивать подранков и убитых уток и подавать их охотнику.

Так как утка только в редком случае (не слыша собаки или разморенная жарой) выдерживает стойку, а обычно пытается удрать от собаки или вплавь, или поднимаясь на крыло, то стойка и медленная подводка не только не нужны, но и просто вредны. Утка в этом случае будет отплывать от собаки и или укроется от преследования в крепком месте, или, отплыв, поднимается на крыло за пределами выстрела. Поэтому от утиной собаки требуется не указание охотнику стойкой и последующей подводкой места нахождения

птицы, а подъем птицы на крыло и притом на расстоянии возможно более близком к охотнику.

Собаки, поднимающие птицу на крыло, вполне понятно, могут быть использованы только на охоте ходовой, т. е., только тогда, когда охотник передвигается пешком или на лодке, а впереди его или сбоку работает собака.

Способностью поднимать утку из травы и обладает в большей или меньшей степени каждая собака — от кровных легавых до простой дворняжки включительно. Однако, эту способность можно развить и, так сказать, дисциплинировать, чтобы собака поднимала утку не зря, а именно для того, чтобы подставить ее под выстрел охотника. Для этого следует собаку научить искать птицу в тех местах, где указывает охотник, работать на небольшом расстоянии от охотника, поднимать птицу в нужном для удобства стрельбы направлении, оповещать охотника о подъеме птицы на крыло взлаиваньем и т. д. Этому, при известном умении и настойчивости, можно научить каждую собаку. Но дрессировки собаки для того, чтобы она успешно выполняла свою работу, еще мало. Необходимы еще огромная выносливость собаки, привычка к воде, уменье нырять и плавать, чутьистость собаки и проч.

Собака, хорошо выдрессированная, но не обладающая выносливостью или бесчутая, вряд ли будет полезна для охоты. И, наоборот, собака чутьистая, выносливая, охотно идущая в воду, умная от природы и проч., но недрессированная — также, в большинстве случаев, будет не помогать охотнику, а мешать охоте.

Из сказанного выше о применении собаки для поднимания на крыло утки явствует, что такое применение собаки возможно только летом, когда утка держится в траве и не только подпускает к себе на выстрел охотника, но и ее часто трудно без собаки заставить вылететь из травы, где она чувствует себя в полной безопасности. Иными словами, такую собаку можно использовать только при охоте на вылетку.

Гораздо важнее и шире используется второе качество, которое должно предъявляться к каждой утиной собаке, — розыск убитой птицы и доставите подранков. Такая собака незаменима уже на многих охотах. И при стрельбе на вылетку, и при стрельбе на вечерних и утренних перелетах, и при стрельбе на пролетных путях и утренних сидках, при охоте с чучелами и подсадными, — везде собака, умеющая подавать убитую дичь, будет оказывать незаменимую помощь охотнику. Короче говоря, такая собака применима на всякой летней и осенней охоте, вне зависимости от того, производится ли охота пешком, с лодки или из засады. Само собой разумеется, что при охоте на уток с подъезда на открытой воде собака не нужна, при охоте поздней осенью вообще собаку просто грешно брать с собой и заставлять мерзнуть и в лодке, и в воде из за желания достать во что бы то ни стало каждую убитую или подраненную утку.

Два слова о применении собак, подающих убитую птицу на охоте с подсадными. Необходимо, чтобы собака знала хорошо подсадных, так как в противном случае рискуешь, послав собаку подать убитую утку или достать подранка, увидеть в ее зубах собственную подсадную. Незачем, пожалуй, говорить о том, что утиная собака, как, впрочем, и всякая другая собака, должна быть безусловно вежливой и во всем послушной охотнику, повинуясь не только его словам, но и жестам. Смышленая и обладающая известным опытом утиная собака очень скоро научится понимать, как следует ей вести себя в лодке, шалаше, на работе, как лучше поднять утку из травы, где искать упавшую и т. д.

Опытной собакой на охоте руководить почти не приходится. Не издавая ни одного звука, чтобы не помешать охотнику, она будет сидеть неподвижно в лодке или шалаше, зорко глядя за тем, где вылетела или упала утка. И лишь нервная дрожь, пробегающая иногда по ее телу, будет указывать на то, насколько глубоко и страстно переживает собака вылет, выстрел и падение утки...

Но собакой молодой и неопытной нужно руководить все время, ежеминутно наблюдая за ней и держа ее в повиновении. Только тогда, с годами, собака поймет, что от нее требуется, будет знать свое дело и вполне сознательно его исполнять.

Я не буду касаться здесь того, как следует добиваться от собаки приобретения ею тех или иных качеств, необходимых для утиной охоты. Для этого существует целый ряд способов и приемов, описание которых читатель найдет в довольно богатой литературе, посвященной дрессировке и натаске собак.

И остается, пожалуй, сказать несколько слов о тех породах собак, которые наиболее применимы на утиной охоте.

Научить каждую собаку можно почти чему угодно. Но научить любую собаку быть выносливой, чутьистой, страстной, любящей воду и проч. — нельзя. Это уже дело природы, а не человека.

Поэтому, если есть возможность выбирать вообще, следует выбирать собаку, телосложение которой, окрас, густота шерсти, наличность чутья и выносливости и проч. наиболее соответствуют условиям ее работы на охоте по уткам. Само собой разумеется, что лучше всего взять собаку такой породы, которая специально выведена и предназначена для охоты по уткам.

Среди собак таких пород первое место несомненно следует отвести спаниелю, — этой маленькой, умной, ласковой, страшно выносливой и прекрасно приспособленной к условиям утиной охоты собачке.

Но спаниели у нас распространены очень мало, и во многих местах о них никто и не слыхал. Поэтому для утиной охоты чаще употребляются другие собаки, как кровные, или, как у нас часто говорят, «породистые», так и не кровные.

Всякая легавая собака, конечно, годна и для охоты на уток. Но при этом следует иметь в виду, что пойнтер или сеттер, проработавший хотя бы только один сезон по уткам, вряд ли будет работать хорошо впоследствии по другой птице. То, что требуется от утиной собаки, — быстрый нажим на птицу, подъем ее на крыло без приказания охотника, ловля подранков и проч., — все это совершенно не годится для охоты по тетереву, бекасу и т. д., где важнее всего мертвая стойка и, по приказанию охотника, подводка к птице. Пойнтера же я бы вообще посоветовал не пускать на уток, т. к. его нежное, одетое короткой шерстью тело совершенно не приспособлено для плавания, ползания, хождения и проч. среди колючей и режущей травы, камыша, тростника и т. п. Хорошей утиной собаки из него обычно не получить.

Из сеттера, — если примириться окончательно с порчей собаки для других охот, охот, для которых он специально предназначен,— можно выработать прекрасную утиную собаку.

Очень недурно работают по уткам пуделя — эти едва ли не самые умные собаки. Их недостаток — малая чутьистость.

Наконец, очень недурные собаки для утиной охоты получаются из кровных или еще лучше полукровных (результат скрещивания с легавой) — гончих. Их недостаток — трудность обучения безукоризненной подаче убитой птицы.

Чаще же всего для охоты по уткам у нас применяются просто ублюдки легавых, преимущественно длинношерстых, а иногда и собаки самых неопределенных пород. Среди них изредка попадаются очень недурные работники.

Но все же всем им далеко до кровных, хорошо выдрессированных специально для охоты по уткам маленьких спаниелей, молодой представитель которых, надоев достаточно старухе-пойнтеру, греющейся у печки, сидит сейчас, когда я заканчиваю эти строчки, против меня на диване, уставившись на хозяина своими темными умными глазенками...

— Заводите спаниеля!...

Таков мой последний совет каждому, кто захочет в полной мере изведать прелести богатой и трудной утиной охоты.